

**ГОЛОС
ЗАРУБЕЖЬЯ**

6

МЮНХЕН 1977

О Г Л А В Л Е Н И Е

Анатолий Михайловский. О «заявлении по украинскому вопросу»	1
Альфонс Дальма. На марксистском небе бунтуют ангелы . . .	3
Бернар-Анри Леви. Мы не хотим быть больше продавцами снов . . .	6
В. Пирожкова. Послесловие	6
Анатолий Михайловский. Русская идея в наше время	8
В. Пирожкова. Родство душ?	15
Епископ Нафанаил. Человеческое общество и общество шимпанзе	16
А. Федосеев. «Прекрасное здание социализма», как видно, разваливается	18
Дмитрий Панин. О гуманистическом Манифесте II	20
Игорь Синявин. Потуги сатанизма	27
И. А. Ильин. Потерянный день.	32
К. Кромиади. Памяти Владимира Михайловича Деспотули	33
Владимир Рудинский. Обзор зарубежной печати	35
Рецензия. Анна Кузнецова-Буданова. И у меня был край родной	38
Обращение комитета Сахаровского слушания в Дании к эмиграции	40
Сообщение о суде	40

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№ 6

Сентябрь 1977

МЮНХЕН

АНАТОЛИЙ МИХАЙЛОВСКИЙ

О «заявлении по украинскому вопросу»

В № 12 журнала «Континент», выходящего в Париже на русском языке, но явно переставшего быть *русским*, появилось более чем знаменательное «Заявление по украинскому вопросу». Подписали его: Андрей Амальрик, Владимир Буковский, Збигнев Бырский, Александр Галич, Ежи Гедройц — редактор «Культуры», Густав Герлинг-Гудзинский, Наталья Горбаневская, Юзеф Лободовский, Владимир Максимов — редактор «Континента», Тибор Мераи — редактор «Иродалми Уйшаг», Доминик Моравский, Виктор Некрасов, Александр Смоляр, Павел Тигрид — редактор «Сведецтви» Юзеф Чапский...

Авторы считают свое «Заявление» «новым важным шагом вперед во взаимодействии восточно-европейских эмигрантов» и тут же заявляют, что «было бы второстепенным и даже затемняющим существо дела анализировать сходства и различия между российским империализмом прошлого века и современным советским империализмом». Однако, от проведения четкой грани они уклоняются, а ставят между ними знак равенства. В «Заявлении» несколько туманно говорится, что «существо дела — это сам империализм, независимо от того, с каком виде он выступает, какими мотивами или масками пользуется, в каких исторических обстоятельствах действует». Для отвода глаз тут же говорится: «Нельзя не вспомнить и о бедах, принесенных Украине многовековым польским империализмом»... Вспоминается для приличия и тут же забывается...

Далее, довольно тяжеловесным (похоже, что перевод) русским языком написано: «Независимо от своих форм, целей и оснований империализм равно угнетает народы, которые являются его жертвой, и равно отравляет народ, который является его носителем. Сказав это, нельзя обойти одно фундаментальное различие: в противоположность царской России, Советский Союз сегодня — последняя колониальная им-

перия мира, и раньше или позже *всеобщая стихия национального освобождения должна ударить и по ее анахроническому существованию*».

Иначе говоря: «всеобщей стихией национального освобождения» сознательно подменяется борьба против международного коммунизма, как попытки построить общественный порядок на основе последовательного и воинствующего безбожия, а следовательно — и бесчеловечности. При этом авторы «Заявления» говорят прежде всего об *украинцах*, как о «крупнейшей в рамках Советского Союза угнетенной нации и как о нации, наиболее упорно — наравне с литовцами — стремящейся добиться *независимого государственного существования*».

В это утверждение необходимо внести одну существенную поправку: «крупнейшей» нацией, угнетаемой коммунистическим игом в Советском Союзе, была и остается все же *русская* нация. «Заявление по украинскому вопросу» об этом неоспоримом факте сознательно умалчивает. Да и дело, в конце концов, не в *величине* «наций», «народов» или «народностей», а в *величии* жертвенной борьбы каждого поборника прав, достоинства и свободы человека. Все прочее «приложится»...

Право народов — а не создаваемых иноземной силой марионеточных «государств» и «правительств»! — на самоопределение есть одно из основных прав человека. «Заявление» же требует признания независимости Украины как реального государственного образования, еще до освобождения *всей* России от коммунистического владычества, — Украины как покоренного Советским Союзом (Россией?) государства.

Какую же Украину, как государство, имеют в виду авторы «Заявления»? Уж не «Украину» ли, созданную на основании отмененного Версальским договором Брест-Литовского мира, который даже Ленин назвал «похабным»?

Образовывались, по повелению иноземных оккупационных властей, «правитель-

ства», быстро сметенные ходом событий и... своим же народом! Можно говорить, таким образом, о безусловном праве на самоопределение украинцев и белоруссов, но никак не «Украины» или «Белоруссии». Что же касается балтийских народов — в том числе и литовского, — то их право на восстановление своей государственной и национальной независимости не подлежит сомнению.

И, конечно, прав Вадим Борисов, когда он в сборнике «Из-под глыб» писал: «Последние десятилетия нашей жизни многих привели к пониманию давно известной, но постоянно пренебрегаемой истины, что для гибели народа совсем не нужно его полного физического уничтожения, — довольно только отнять у него память, мысль и слово — и душа народа будет убита».

Польский народ не утратил ни памяти, ни мысли, ни слова. Не утратил их и народ литовский. И оба они сохранили свою душу. Но не потерял памяти, мысли и слова также и русский народ. И прежде всего живо — в недрах души живо! — его историческое сознание, — придушенное коммунистической диктатурой, но ныне бурно возрождающееся. Не случайно истории известны и Киевская Русь, и Русь Новгородская, и Суздальская Русь, и Юго-Западная Русь, и Карпатская Русь, и Русь Белая, и Русь Червоная. И ярким светочем их была Святая Русь.

Летописец, составляя в Киеве свою «Повесть временных лет», рассказывает — на старо-русском языке — откуда пошла Русская Земля, откуда «Русская Земля стала». Свой родной город, «Мать городов русских», летописец воспринимает как средоточие не одной только волости Киевской, а всей «единой и великой Русской Земли»...

Проф. С. Ф. Плагонин, ученик Ключевского и один из самых добросовестных и непредвзятых историков, в своем «Курсе русской истории» пишет:

«Культурные сношения с Византией повели к распространению на Руси христианства и к основанию Православной Церкви в молодом русском государстве. Новая религия и принесенная ею византийская образованность имели сильное влияние на Русь и сплотили русские волости в одно целое культурными связями... Культурные связи оказались крепкими и создали из русских племен один, сознающий свое единство народ. В этом — главное историческое значение Киевского периода русской истории».

Действительно: вплоть до Октябрьской революции 1917 г. сотни и сотни тысяч русских паломников с Юга, Запада, Севера и Востока России нескончаемым потоком тянулись — в большинстве своем пешком — в «Мать городов Русских», в колыбель Святой Руси и русской духовной культуры, в Киев, поклониться святым угодникам в Печерской лавре...

Авторы «Заявления» призывают не только «русских участников правозащитного движения в СССР», но и русскую политическую эмиграцию «укреплять и углублять сотрудничество с борцами за независимость Украины»... Не берут ли только «русские участники правозащитного движения в СССР» на себя роль, играть которую они могут лишь самозванно? Русская политическая эмиграция свыше полвека защищала позицию, с которой ее теперь пытаются сбить: конечно, теоретически вполне возможно, что за эти полвека украинцы и белорусы стали нерусскими, что душа Святой Руси в них убита. И если, после освобождения всей России от коммунистического владычества, актом свободного волеизъявления (в котором по справедливости должны на равных правах участвовать не только сепаратисты, но и федералисты, и автономисты, и оставшиеся русскими) — украинцы и белорусы выскажутся за полное отделение от русского — а не только «великорусского» народа, то силой русские этому препятствовать не будут.

Итак: не было ли бы правильным, вместо неправомочного и самозванного провозглашения за пределами России независимости того или другого государственного образования, признать за каждым народом право на самоопределение путем свободного волеизъявления, а не «явочным порядком», не «наскоком» и не по воле «внешних факторов»? Ибо этим и уничтожилась бы тоталитарная коммунистическая диктатура — безбожная и бесчеловечная...

На этот вопрос дали ответ в 1920-м году командиры и бойцы численно небольшого польского легиона, умирившего рядом с русскими при отступлении Белой армии из Сибири. Эти поляки могли свободно уйти с предавшими белых «союзниками». Борясь против коммунизма, они не сражались против России и «русских», но за свободную христианскую Польшу. И они пали на поле брани и чести — рядом с русскими. Там, в снегах Сибири, было заложено семя той польско-русской дружбы, на почве которой — верю — будет разрешен и «вечный спор славян между собою», — по словам А. С. Пушкина, искреннего друга Адама Мицкевича.

АЛЬФОНС ДАЛЬМА*)

На марксистском небе бунтуют ангелы

Французская группа «новых философов» предьявляет счет своим учителям.

Их дюжина, тех, кто вышел на передовые позиции, может быть, только полдюжины. За малым исключением их имена еще год тому назад не были известны. Сейчас они известны под именем «новые философы». Они известны, прославлены, оспорены, ненавидимы, — одним словом, знамениты. Многие тогда были еще подростками, но все так или иначе приняли участие в столь же бурной, как и бесплодной «революции» в мае 1968 г. — они были интеллектуальным острием радикально-марксистского копья «молодой волны». А сейчас этабилированные левые в политике и в интеллектуальном обществе упрекают их в том, что они — идеологическая предтеча «новых правых». В Париже вокруг них кипит полемика. Европа не может их больше игнорировать.

Кто же они на самом деле? В системе координат французских ценностей их образование дает им высшую легитимацию. Эти двадцати-тридцатилетние люди все являются владельцами дипломов французских высших учебных заведений типа Эколь Нормаль и тем самым владельцами свидетельств, которые считаются доказательством высшей интеллектуальности. Большинство из них, кроме того, — самые молодые доценты и профессора страны. Они были учениками старых марксистов, таких как Альтмуссер, Лакан, Делез или Герберт Маркузе. Один из них признался со сдержанной яростью в голосе, что они потеряли годы на обычные схоластические толкования «священных текстов»: «Случалось, что мы часами страстно дискутировали о значении черточки в понятии „марксизм-ленинизм“!». Но потом наступили годы размышлений и пересмотра понятий. Многие из них признают, что произведения Солженицына были искрой, разжегшей пожар: как может социализм вести к уничтожению человека и к системе концлагерей? Клод Лефор дал своей книге «Сильный человек» подзаголовок: «Мысли об архипелаге ГУЛага». Андре Глюксман, хронологически первый в этой волне, сказал, что после чтения Солженицына он ощутил внутреннюю потребность заново прочесть Ленина, — и пришел к выводу, что его произведения являются решающим источником

для «нащупывания тайны советского общества» и для «опознания капиталистического и фашистского характера СССР». Он сравнивает действие Солженицына на интеллектуально порядочных людей нашего времени с действием, которое произвели на молодого Маркса знаменитые сообщения комиссии по обследованию условий детского труда.

Андре Глюксман написал две книги в ряду произведений «молодых философов»: «Кухарка и людоед» — это Ленин и Сталин в их логической последовательности причины и следствия, философии и практики, и «Мастера мысли», где он сводит счеты с «учителями мышления», с самим Карлом Марксом, вообще с историософией и философией общества абсолютного, начиная от Гегеля и Шопенгауэра в обратном порядке к Платону. Для Глюксмана система ГУЛага «не ошибка на пути революции и не искажение марксизма», так как «ничто в марксизме не противоречит ГУЛагу, так же и сам Маркс, в произведениях которого можно найти все, что угодно, а так же и противоположное этому самому».

После того, как смущенный снобизм конформистской европейской левой интеллигенции попробовал изолировать, оклеветать и свести на нет Солженицына («окаменение старо-русской религиозности», «друг Пиночета», «любимец Франко», «воскресение реакционной России») влияние этого «нового Толстого» (как в лучшие времена его называла даже «Правда») на молодых, первоначально марксистских, интеллектуалов Франции оказалось сенсационным.

Только вследствие потрясающего влияния Солженицына молодые марксисты обратили внимание также на такие имена как Ганна Арендт, Манэ Шпербер, Милован Джилас, Анни Кригер, Эдгар Морен, Корнелиус Кастриадис, Ника Тулантас и других конвертитов из коммунизма к свободному социализму. Но в отличие от них эти молодые люди прошли весь путь до конца. Им, молодым, было легче отделаться от навязанных им представлений, чем тем, чья юность уже давно прошла.

Отрицая неомарксистских ревизионистов и половинчатость еврокоммунистов, «новые философы» распрощались с Марксом, с революцией и с социализмом вообще, обосновав это тем, что социализма с человеческим лицом не может быть вообще. Они вводят в свои размышления экономию истории и политики. «Каждая революция стоит огромных жертв людьми и

*) Перевод с нем. «Die Welt», 23 июля 1977 г. Прим. ред.

свободой, чтобы создать систему, не лучшую, а часто худшую, чем предыдущая».

Прыжок с марксистского трамплина через забор конформизма отражается в двух названиях книг. Еще несколько лет тому назад Кастириадис и Лефор, будучи марксистскими реформаторами, искали внутри марксистский выход из дилеммы. Теперь же им резко ответил 28-ми летний Бернар-Анри Леви книгой «Варварство с человеческим лицом».

Леви стоит в центре полемика вихря, вызванного публикациями «новых философов». После того, как издательство Грассет поручило ему руководство новыми сериями «Фигуры» и «Теории», он стал ведущим в полемике и издателем произведений «новых философов». Этот молодой доцент философии отдал под суд марксистские концепции и государственную практику. Он показывает, что социалистическая идея государства от Ленина до Грамши — не что иное, как перепевы представлений Николо Маккиавели о государстве как властелине, как практике абсолютной и авторитарной власти не народа и не класса, а партии, аппарата, новой олигархии власти, покупаемой ценой несказанных человеческих жертв.

«Социализм — это только одно из многих наименований, которые даются этой власти, — пишет Леви. — Думать, что техника когда-нибудь уничтожит или сведет к минимуму революцию, а социализм уничтожит угнетение — это обман. Это надежда для глупцов. Мы — новые пораженцы. Счастье — это древнее представление, а жизнь — это заранее проигранный процесс. Власть — это судьба, и она подчиняет историю своему господству. В наше время и после опыта этого столетия стало абсолютно необходимо быть антипрогрессивным. Сталинизм сломал любой исторический оптимизм».

Жан-Поль Долле откликается на эти слова: «Социализм породил ГУЛаг, в этом нет сомнения». Христиан Жамбер и Гай Лардро, молодые профессора из Оксера около Парижа и авторы-близнецы, которые несмотря на свою молодость уже имеют значительное прошлое в революционном марксистском движении и долго работали в маоистском журнале «Дело народа», пишут, что их великий внутренний переворот произошел под влиянием событий мая 1968 г. «Нам стало ясно, что это — тупик. И мы спросили себя, при каких условиях вообще возможна революция, о которой говорят марксисты? Мы пришли к выводу, что таковая ведет неизбежно только к перемене власти, и — к ГУЛагу».

35-ти летнему Жан-Мари Бенуа понадобилось только два года, чтобы пройти путь от «революции Латинского квартала» до ухода из левого интеллектуального эстаблишмента. Уже в 1970 г. появилась его книга «Карл Маркс умер». Ассистент Леви-Штрауса, любимый ученик Альтмуссера, поставил этой книгой первую веху наступающих перемен. Но тогда этот шаг еще можно было замолчать.

Когда в мае этого года новая волна произведений «новых философов» прорвала барьер равнодушия, левые не могли больше игнорировать этот феномен. Под руководством коммунистов был открыт ураганный огонь, который не ослабел до сего дня. Последовали «ожидаемые и логичные отлучения», как выражается Б.-А. Леви. Орган компартии «Юманите» писал: «Новые философы и не новые, и не философы, они — последние запалы, зажигаемые правыми против левых». «Либеральный» еврокоммунист Жан Эльштейн добавил: «Идеология этих новых философов глубоко консервативна. Исключая надежду, она помогает буржуазному государству устоять против левых».

Молодым людям, вырвавшимся из марксистского конформизма, ставится в вину преимущественно их успех в общественности. «Философы публичности», — так бранят их неомарксисты, например, Дебрэ, Кастириадис, Делез, которые братаются с коммунистами Эльштейном и Пулантезом, если надо осудить «рекламу книг, не заслуживающих внимания». Глюксман, Леви и их товарищи являются в глазах этих критиков «дьявольскими бактериями новых правых».

Ортодоксальный социалист Жак Аттали расправляется с ними быстро: «Старые аргументы правых... Левые не боятся собак, которые лают, когда они проходят мимо». Обычно сдержанный неомарксист Делез бранится: «Я нахожу отвратительным, что новые философы используют мучеников ГУЛага и жертвы истории. Они живут трупами». Интеллектуальная «элегантность и убедительность» подобных аргументов обличает их авторов.

Б.-А. Леви легко отвергнуть такую критику. Он называет этих критиков «новыми цензорами», которые выдумывают «новую правую» только потому, что «мы не хотим быть больше продавцами снов, торговцами идолов и иллюзий». Молодой руководитель новых философов все еще считает себя принадлежащим к левым, но подчеркивает, что «новые философы» имеют различное происхождение, вышли из различных политических лагерей, что они не составляют своей заранее программированной и единой школы, что они исповедуют независимость

мышления и не видят смысла в ставших бессодержательными понятиях «правый» и «левый».

Молодые не виноваты в том, что ожидание победы левых на выборах стерилизовало духовную жизнь Франции и пресекло все размышления о правильности или неправильности социализма. «Здесь начинается распространяться тоталитаризм, в котором никто не признается... начинается ждановщина. Пришло время для того, чтобы левые поняли, что четверть человечества слово «социализм» воспринимает как горячую рану на живом теле».

Вождь социалистов Франсуа Миттеран предпочитает — в отличие от Аттали, что многие находят примечательным — предаваться размышлениям о значении новой философии. «Дело слишком важно для того, чтобы я высказался об этом в коротком интервью. Это надо обдумать и потом об этом написать». Может быть, знаменательно и показательно для будущего то, что печатный орган французского демократического социализма «Новый обозреватель», правда, не присоединился к мятежникам против Маркса и социализма, но все же стал объективной трибуной для полемики новых философов и их противников. Главный редактор Жан Даниэль пишет: «Я не согласен с Глюксманом и другими, но их книги преследуют нас, они заставляют нас задуматься».

Какое значение имеет мятеж «ангелов» на небе марксистской утопии, можно пока понять только по некоторым чертам. Они действительно различны по своей структуре мышления и вышли из различных политических лагерей. Объединяет их то, что они все срывают покрывало с идола Маркса, им общ исторический пессимизм как результат разочарования в марксизме и глубокое стремление освободить мышление от марксистских пут, аппаратов, программ и обязательных цитат. Глюксман пишет: «Нам надоели учителя мышления и маленькие философские вожди. Они думают, что знают, как надо делать историю, но на самом деле они только ломают индивидуальную силу сопротивления человека. Они учат подчинению науке, революции и государству. Ново в наше время то, что теперь все сильнее растет стремление к свободному мышлению».

Католический философ Морис Клавель, который по возрасту мог бы быть отцом этих новых философов, заметил существенное в этой новой волне. Он выразил это в заглавии своей книги: «Убейте этого старого еврея Сократа». В глазах Клавеля эти

молодые гневные люди пришли к той точке, из которой европейская философия исходила, открыв мудреца из Афин. Перед лицом господствующей школы мышления, которая во имя не метафизических и не трансцендентных, чисто посясторонних и исторических, но якобы абсолютных истин требует веры в свое всеведение, восстали они с вызывающим: «мы знаем, что мы ничего не знаем». Поэтому против них восстал инстинкт человеческого голода по уверенности, поэтому им, как некогда Сократу настоящий яд, преподносят теперь яд марксистско-схоластической полемики. Ставящийся им в упрек пессимизм может оказаться сигналом для поворота от так дорого стоящих исторических утопий к реализму Аристотеля.

Новые французские философы могут засчитать в свою пользу личный опыт молодого поколения, ставшего сначала марксистским и увидившего все своими глазами. Они имеют значение неподкупных свидетелей, интеллигентных и чутких. Они показывают, что марксистский конформизм и особенно развитое у немецких интеллектуалов пресмыкательное преклонение перед «философией нашего времени» совсем не должно являться судьбоносной необходимостью. Они пристыдили немарксиста Сартра, который назвал марксизм «непреодолимой философией нашей эпохи», чтобы потом в виде вывода из этого утверждения оправдывать подавление венгерской революции 1956 г.

Критика марксизма и инквизиторского террора его школы мышления не началась с Глюксмана, Леви или Бенуа. С полным правом им можно поставить в упрек (если это вообще может быть упреком), что их «Америка» уже давно открыта. Вспомним хотя бы такие имена как Карл Поппер, Эрнст Топич, Эйжен Ионеску и многие другие. Если новые философы сейчас называют социализм «опиумом для народа», то им можно напомнить книгу Раймона Арона «Опиум для интеллектуалов», вышедшую в свет почти 20 лет тому назад.

И все же: посреди порочного круга марксистской культуры этот мятеж молодых философов производит впечатление акта освобождения. Гай Лардро, один из них, прав, когда пишет: «Нельзя писать, что Маркс умер, не побывав марксистом. Нужно было пережить это изнутри». Этим он лучше всего характеризует значение мятежа этих парижских сыновей Солженицына против марксизма как целого, включая и самого Маркса.

БЕРНАР-АНРИ ЛЕВИ

Мы не хотим быть больше продавцами снов*)

Когда я год тому назад познакомил читателей с некоторыми моими друзьями на страницах одной еженедельной газеты, я и не предполагал, что «новых философов», — так я озаглавил статью, — постигнет такая странная судьба. Целая армия цензоров занялась вдруг тем, чтобы запретить под замок наши свободные модели мышления как запретные книги. Я никак не предполагал, что так скоро на нас опрокинется такая лавина ненависти и лжи, глупости и подлости.

Что же нам ставят в упрек? Что оправдывает такое к нам отношение? Нам говорят, что у нас хватает смелости критиковать левых; мы, те кто сам к ним принадлежит, решаемся приковать социализм к позорному столбу; мы помогаем правым и можем помешать победе левых. Я не знал, что общность левых до такой степени покоится на лицемерии, что достаточно нескольких ясных слов, чтобы она рассыпалась как карточный домик. В течение 10-ти лет надежда на победу на выборах убивает всякое глубокое размышление о проблемах социализма.

Теперь ущерб нельзя возместить. Только потому, что некоторые из нас, вполне отдавая себе отчет в том, что они делают, додумали до конца пессимистическую гипотезу, исходящую из тягчайших уроков столетия варварства, другие делают легкомысленно вывод, что мы отказались от обязанностей человека и предали свой долг интеллектуалов. Только потому, что я заявил свое нежелание быть и впредь продавцом снов или торговцем идолов и иллюзий, меня обвиняют, что я прославляю зло и проповедую подчинение. Поистине странно, как здесь выворачивают наизнанку связь между обвинением и доказательством...

Самым невыносимым является предательство пророков, уставших провозглашать пришествие рая, который никогда не придет, и разбитых жалобами и протестами человечества. Они вдруг становятся в ряды

тех, кто расстреливает. Народы хорошо знают настоящих проповедников подчинения: это те, кто бездумно провозглашает «победу добра» и «преображение мира», господа, которые мнят, что они взяли патент на мудрость и знают путь ко всеобщему счастью. Мы же решили оказать сопротивление и противопоставить свое «нет» этим убийственным мечтаниям и образам фаты моргана смешных поклонников власти. Мы думаем, что политические химеры уже достаточно часто тонули в морях крови, хотя это, увы, всегда была кровь других, а не этих проповедников.

Но для чего еще аргументировать? Разум еще никогда не торжествовал над страстью невежества. Вопрос совсем не в том, являемся ли мы «объективно» реакционерами или нет, а в том, что левые это утверждают, а они безраздельно господствуют над этой самой «объективностью». Решающим является не то, заключат ли правые нас в свои объятия или нет, а в том, что эти левые самозванные властители и господа общественного мнения ведут себя так, что это именно произойдет.

Пойдем друг друга. Если я обращаюсь к левым, то я думаю о той части левых, которая помнит, что четверть человечества воспринимает слово «социализм» как горячую рану. Я думаю о тех левых, которые никогда не согласятся с тем, чтобы приносить в жертву на вечно обновляемые алтари государственной пользы малое число простых принципов, делающих наше общество достойным для жизни в нем.

Я думаю так же и о тех серьезных левых, которые отказываются выбирать между преимуществом виселицы и привлекательностью гильотины. Потому что в конечном счете нас именно это отличает от этих (марксистских) философов: мы готовы сделать все, что в наших силах, чтобы вышеозначенный выбор не стал однажды неизбежным; они же делают все, что могут, чтобы этот выбор стал не только неизбежным, но и был бы представлен как законный.

*) Перевод с франц. «Le nouvel observateur». Прим. ред.

Послесловие

Когда человек, не живущий во Франции и не имеющий тесного контакта с французскими интеллектуалами, знакомится с феноменом «новых философов» и реакции на них, то прежде всего бросаются в глаза два момента: 1) Как страшно конформистское

господство марксизма во Франции! В Германии оно все же пока еще так далеко не зашло. 2) Как похож этот феномен на то, что произошло в России в начале этого столетия. Встает вопрос: не «Ветхи» ли это?

Однако между «новыми философами» и

веховцами есть огромная разница. «Новые философы, судя по до сих пор появившимся их высказываниям, не являются верующими христианами, а потому их пессимизм в отношении земной истории — это не просветленный пессимизм Константина Леонтьева, а пессимизм безвыходности. И есть опасность, что он может перейти в цинизм. Будем надеяться, что этого не случится».

Веховцы стремительно, едва задержавшись на Канте и неокантIANцах, перешли к христианству, единственному истинно Абсолютному, единственному оплоту в печальной смене несправедливостей земной жизни и истории, как писал незабвенный Константин Леонтьев. Но у него же стоит: «Пессимизм общего мировоззрения или неверие в возможность земного счастья, земного благоустройства и земной всесправедливости дают обыкновенно в частных житейских случаях оптимистические плоды». («Россия, византизм и славянство», т. 1, стр. 312). Отчего так? Потому что человек, не задающийся целью всеобщего переустройства мира, достижения земного абсолюта, видя и принимая во внимание несовершенство людей, не сердится на них, не начинает их ненавидеть за то, что вся их натура сопротивляется его утопическим планам, у него не возникает желания их к чему-либо принудить силой. Он берет людей такими, как они есть. Он терпим и благожелателен и старается исправить то дурное, те несправедливости, которые он может исправить, не ломая всего мира, не устраивая гекатомб жертв, не проливая моря крови. И результаты его действий обычно положительны и потому дают оптимистические плоды.

Но французские «новые философы» вряд ли заглянут в произведения Леонтьева. Он, вероятно, и не переведен на французский язык. Но, может быть, они прочтут некоторые произведения «веховцев», которые, безусловно, имеются на французском языке. Задачей русской эмиграции во Франции было бы указать им на эти имена и книги.

Пессимистическое воззрение на историю вряд ли может удержаться без веры, без христианства. Пессимистическое мировоззрение справедливо не видит ничего абсолютного в земной истории, или, как писал тот же Леонтьев: «В прогресс верить надо, но не как в лучшем и непременно, а только как в новое перерождение тягостей жизни, в новые виды стеснений и страданий человеческого» (там же, стр. 135)). Эти тяготы могут быть более или менее выносимыми или даже совсем невыносимыми. Стоит в земной жизни бороться за то, чтобы тягостей и стеснений было бы не так

много, чтобы они были наиболее выносимыми. Но надо знать, что совсем они никогда не исчезнут.

Так все в земной жизни относительно. Техника принесла людям большие облегчения в их ежедневной жизни и огромные возможности научного исследования. Но она же принесла такие опасности, которые грозят совсем испортить природу, а тем самым и жизнь человека. Всякое общественное и политическое устройство имеет свои недостатки, и всегда найдутся граждане, которые при данном строе страдают больше, чем другие граждане при том же строе. Но все же есть системы, где большинству граждан живется легче, чем тому же большинству при других системах.

Должна сказать, что при этом я лично исключаю коммунизм из всех остальных систем и даже диктатур. Коммунизм — не просто жестокая диктатура, какие в истории человечества бывали, есть и еще будут, коммунизм — поистине сатанинская идеология и практика тотальной лжи (дьявол — отец лжи), пытающаяся исказить духовный облик человека, а не только унизить его в его земной жизни. Из всех мне известных авторов лучше всего это показал Н. Нароков в своей незаслуженно забытой книге «Мнимые величия». Это, поистине, режим мнимых величин.

Вернемся, однако, к «новым философам». Может быть, это — только первый шаг, только окончательное сведение счетов, полное, понятно, горечи и разочарования. Может быть, следующий шаг будет уже сделан в положительную сторону, в ту самую, в какую сделал его русский философ, бывший марксист, автор «Вех». Следующим шагом будут поиски истинно абсолютного, поиски Бога, Которого пока части из них нехватает.

Судя по их произведениям, большинство из них еще не полностью расстались с прежними заблуждениями. Так у них проскальзывает анархическая нотка, попытка обвинить государство как таковое в ужасе социализма, или мнение, что это лишь переименованная власть вообще. Если стать на эту точку зрения, то придется придти к отрицанию власти как таковой, но как раз это-то и не даст никаких положительных результатов. Анархия — обратная сторона тирании, которая неизбежно наступает после каждой анархии. Марксистский социализм — не одно из наименований старого феномена власти, как думают некоторые из новых философов, а новый феномен 20-го века, феномен тотального подчинения человека и попытки исказить его природу до неузнаваемости. Эта попытка до конца удастся не может, образ Божий в человеке

не угасим до конца, но чем в большей мере она удастся, тем страшнее результаты. Будем надеяться, что новые философы это еще поймут.

Они также еще не совсем отошли от наименования «левые». Несмотря на то, что им уже пришлось пережить со стороны левых, Леви все еще апеллирует к порядочным левым, к тем, кто не предаст принципы, без которых жизнь общества невозможна. Но... где такие левые? Их надо искать со свечей днем, как Диоген искал человека, но и тогда вряд ли их можно будет найти. Самое наименование «левые» вышло из жесткой, если не сказать жестокой, якобинской диктатуры. «*Noten est open*», говорили римляне. Какими-то неуловимыми нитями, идущими от корней по духовным законам, еще не сформулированным точно, все, кто называет себя левым, скатываются постепенно (даже, если они вначале субъективно имели лучшие намерения) к своим

духовным корням, т. е. к якобинизму и жестокой диктатуре. И С. Л. Франк писал о том, что наименования «правые» и «левые» теряют свое значение («По ту сторону правого и левого»), как думают некоторые из новых философов, но нам кажется, что эти наименования еще не утратили своего значения, что в этом пункте С. Франк ошибся. Левые стремления и склонности всегда имеют роковой исход.

Мы уже отметили, что феномен «новых философов» напоминает нам феномен «Вех», тем более, что и там и тут разочарование в марксистской или в общесоциалистической революции было ускорено неудавшейся попыткой произвести ее. В России это была революция 1905 г., во Франции — беспорядки в мае 1968 г.

В России «Вехи» появились слишком поздно. Они не смогли остановить рокового развития. А как во Франции?

В. Пирожкова

АНАТОЛИЙ МИХАЙЛОВСКИЙ

Русская идея в наше время

Говорить о русской национальной идее в наше время стало не только для иноземцев, но и для многих соотечественников наших, оконувшихся в тлетворную атмосферу модного ныне прагматизма, своего рода анахронизмом. Да, была и Святая Русь, и Великая Империя Российская; но их больше нет. Российская нация — это, мол, просто фикция: в действительности, ее никогда не было, а был конгломерат чуть ли не из полутораста народов и народцев, племен крупных и совсем крошечных, покоренных русскими, точнее — великоросами; иностранцы тут же начинают говорить о великорусском империализме, олицетворяемом ныне Советской Империей, ставшей мировой державой. Что же касается национального сознания и самосознания, то это — «возврат к тупому национализму» (понимаемому как шовинизм). Ну, а об идее в наши дни и совсем говорить не подобает: это значит впадать в «идеологию», т. е. «доктринерство», чуть ли не в мракобесие духовной нетерпимости.

И, тем не менее, пришло время заговорить именно о русской национальной идее, — заговорить внятно, ясно и недвусмысленно, без боязливых оговорок и лукавых обиняков. В. В. Розанов, незадолго до смерти, в своем «Апокалипсе нашего времени» написал жуткие слова: «Былая Русь... Как это выговорить? А уже выговаривается...

Русь слияла в два дня. Самое большее — три... Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска, и не осталось рабочего класса. Что же осталось-то? Страшным образом — буквально ничего».

Конечно, разные народы понимают свой «исторический опыт» и «уроки» истории по-разному, по-своему. Но об одной истории человечества свидетельствует неоспоримо: о том, что ни один народ, ни одна нация и ни одна культура не погибли от ударов извне или от внутренних потрясений, пока в них жила вера в собственное призвание, в свою миссию. И пока эта вера определяла их духовную сущность, а идея, питавшая корни их духовного бытия, оставалась жизненной и животворной, пока она окончательно не иссякла, — до тех пор не иссякал и источник воды живой, из которого данный народ и данная культура черпали свои творческие силы.

Кризис нашего времени — это, несомненно, кризис духа. И поскольку жизнь человека есть раскрытие его духовного начала, то кризис духа есть в то же время и кризис жизни. Но и жизнь, и судьба как отдельных людей, так и целых народов и культур зависят от того, какими религиозно-нравственными началами они живут, из какого источника воды живой черпают свои духовные силы, — т. е. от их веры.

Итак, кризис современности есть кризис духа, жизни и веры. А поскольку *осознанная* вера претворяется в идею, то кризис нашего времени есть прежде всего кризис *идеи*...

Проф. А. В. Карташов на вставший перед нами и перед миром вопрос: есть ли Россия? — на жуткие розановские слова: «буквально ничего не осталось» — отвечает уверенно и истово в своей книге «Воссоздание Святой Руси»:

«... есть Россия, не просто как внешний, исторически изменчивый факт, но как устойчивое, органическое целое, как *духовный тип*, как живая душа русского народа с единым соборным самосознанием. Этой душой животворится и ее государственность, и ее народность, и ее культура как воплощение русской души»...

Душой исторической России была и осталась *Святая Русь*. Даже в грехах и в падениях своих, поддаваясь наваждениям *Неруси* *окаянной* (по меткому и глубокому выражению И. А. Ильина), народ русский в глубинах своего духовного бытия был озарен сиянием Солнца Правды, светочем христианской православной веры. Страшные испытания перенес, дьявольские искушения преодолел за тысячелетие со времени Крещения этот народ, сохранив и себя, и свою душу, и свое духовное «Я», и свою русскую идею, — воплощения идеала *Правды* в историческом облике Святой Руси...

Русь нарекла себя «Святой Русью». У И. А. Ильина есть на эту тему поразительные слова:

«Русь именуется „святою” не потому, что в других странах нет святости; это не гордыня наша и не самопревознесение; оставим другие народы прешить, терять, искать и спастись по-своему. Речь о Руси, а не о других народах; не будем на них оглядываться!»

Русь именуется „святою” и не потому, что в ней „нет” греха и порока; или что в ней „все” люди — святые... Нет!

Но потому, что в ней жива глубокая, никогда не истощающаяся, а — по греховности людской — и не утоляющаяся *жажда праведности*, мечта приблизиться к ней, душевно преклониться перед ней, стать хотя бы слабым отблеском ее... И в этой *жажде праведности человек прав и свят, при всей своей обыденной греховности*...

Величественна, возвышенна и глубока эта *Святая Русь*. Свое призвание она видит в осуществлении *Правды Христовой на земле*. Путь Истины и Жизни, открывшийся человечеству во Христе, так же ясен, как и две тысячи лет тому назад.

Святая Русь — это истовая соборная молитва о пришествии Царства Божия. Движущая сила ее — стремление к святости, к

установлению *праведности* на земле. Это — твердая, непоколебимая *вера*, что воля Отца нашего Небесного и заповеди Церкви Христовой должны и *могут* стать *единственным* законом нашего личного, общественного, государственного и национального бытия. По словам И. А. Ильина, только немногие люди на земле способны стать *праведными*, переродиться, целостно *преобразиться*; остальные *могут* лишь *отдаленно* приближаться к этому. В книге этого русского мыслителя — «О тьме и просветлении» — мы читаем:

«Когда мы говорим о „Святой Руси”, то не для того, чтобы закрыть себе глаза на пределы человеческого естества и наивно и горделиво идеализировать свой народ, но для того, чтобы утвердить, что рядом с *окаянной Русью* — и даже в той же самой душе! — всегда стояла и *Святая Русь*, молитвенно домогавшаяся ко Господу и достигавшая Его лицезрения, — то в совершении совершенных дел, то в слезном покаянии, то в „томлении духовной жажды” (Пушкин), то в молитвенном богомолии. И Россия жила, росла и цвела потому, что *Святая Русь* вела *несвятую Русь*, — обуздывала и учила *окаянную Русь*, воспитывая в людях те качества и доблести, которые были необходимы для создания Великой Имперской России...».

Большевизм был первым *открытым* — и наглым! — покушением на русскую идею, как ее — не столько умом, сколько *сердцем* — воспринимал и хранил русский народ. Русский идеал, идеал *Правды*, был растоптан и поруган большевизмом. Следует как-то особенно вникнуть в это маленькое и, казалось бы, такое обиходное русское слово, не имеющее, кстати, равного себе по смыслу ни в одном другом языке мира. Н. К. Михайловский раскрыл в нем два значения: *правды-истины* и *правды-справедливости*. Но он не увидел в слове «*правда*» еще и третьего — *существенного* — значения, а именно: *правды-действительности*. Сочетание воедино всех этих трех значений и раскрывает, как мне думается, все *духовное содержание Святой Руси*, русской *идеи*, сводя ее к лапидарной формуле: *Да будет действительность Царством. Справедливости в свете Божественной Истины!*

Ленин знал, куда нанести смертельный удар для тела русской нации. Ибо Истина, Справедливость и Действительность по сути своей нераздельны в *христианском* восприятии мира и жизни у каждого русского, даже если он и не способен выразить это словами. Лишь *соблазн зла*, состоявший в «рационализации», а затем и «секуляризации» этой русской идеи, привел неминуемо — не мог не привести! — к тому, что оторванная от Бога, искаженная «прав-

да» нашла свое извращенное, свое «бесовское» выражение в центральном печатном органе большевицкой партии — «Правде»... Но, по словам проф. А. В. Карташова, «не было еще в истории примера, чтобы народ, создавший свою культуру на почве одного вдохновения, в расцвете сил своих переменял этот идеал и начал творить столь же успешно новую культуру, на новую тему. Нет! Народы в свою органическую эпоху воплощают свой дух только в одну, свойственную им форму, и — так сказать — обречены пережить свой исторический век в ней, ее развивая, обогащая, видоизменяя, но не заменяя ее и ей не изменяя. Измена ей — культурное самоубийство или этническая старость, после чего он может еще жить долгие столетия механической, подражательной, интернационально-шаблонной жизнью, никого не радуя и никому ничего не обещая...».

Русская идея есть идея осуществления Царства Божия на земле. Тут сходились даже такие — совершенно противоположные друг другу — современные русские религиозные мыслители, как митрополит Антоний (Храповицкий) и Николай Бердяев. Но сходство это только внешнее, как правильно отмечает Н. П. Полторацкий в своей книге «Бердяев и Россия».

Для митрополита Антония русская идея есть идея Царства Божия, а идея Царства Божия есть *извечная русская идея Святой Руси*. По словам митрополита Антония, «Россию мы любим потому, что она хранит в себе русскую идею, русскую духовную природу, русский быт. Эта идея есть Царство Божие, эта природа есть стремление к святости; этот быт выражает собою усилия семисотлетней жизни страны и девятистолетней жизни народа водворять на земле праведность евангельскую, отвергнуться всего, чтобы найти Христа, ставить Его волю, законы Его Церкви законом общественной жизни...».

Если вдуматься в слова митрополита Антония, то нельзя не прийти к выводу, что его кристально-ясное истолкование русской идеи, идеи Святой Руси, есть, по существу, тот же вековой идеал — *народный русский идеал Правды*, о котором я уже упоминал. Митрополит Антоний не стремится и не пытается выставить свою идею, пусть даже родившуюся из идеи и идеала Правды, за единственно мыслимую, за единственно истинную *русскую* идею. Он избрал иной путь: вникнуть в *суть* извечной русской идеи, как *исторической* духовной реальности, и лишь облечь ее в чеканную форму ясных и недвусмысленных понятий и слов.

Русский православный человек, как и весь русский нравственный народ, истово

стремится «жить по правде», по Правде Божьей: в отличие от целых поколений русской интеллигенции, он никогда не забывал, что *Правда есть также и корень праведности*.

Говоря о творчестве одного из самых русских писателей «страшных лет России», И. С. Шмелеве, И. А. Ильин писал:

«История России есть история ее страданий и скорби, история ее нечеловеческих напряжений и одинокой борьбы. Это бремя она несет ныне — вторую тысячу лет; и справляется она с ним только благодаря своему дару *вовлекать свой инстинкт в духовное горение и прожигать свое страдание огнем молитвы*. Отсюда ее терпение и выносливость; отсюда ее способность не падать духом и не отчаиваться, несмотря на неудачи и крушения. Отсюда ее умение строго судить свои дела и возрождаться на пепелище. Отсюда творческая чистота ее воли».

В одном из своих частных писем — от 31 января 1920 г. — о. Сергей Булгаков высказывает мысль пророчески-апокалипсическую: «Ныне совершающееся на русской земле есть отражение совершающихся катастроф в жизни космической и *в мире духовном*, и борьба Света и Тьмы с величайшим напряжением идет и по ту и по эту сторону бытия. И когда я думаю о том, сколько доблестных и лучших людей жертвенно и стойко отходит в тот мир, мне кажется, что отзываются бойцы в иную действующую армию, — туда, где они нужнее. *Ибо Святая Русь воинствует и утверждается не здесь только, но и там, где хранят и ведут ее небесные вожди*».

И тот же о. Сергей Булгаков, в связи с кочиной кн. Евг. Ник. Трубецкого (в 1920 году), говорит, что покойный «был русским человеком с ног до головы — *витязь Руси Святой*, воевавшей с Русью поганой».

Но тут мы уже соприкасаемся «мирам иным», когда — по Тютчеву — «мысль *изреченная* есть ложь», ибо немыслимо выразить словами *Невыразимое*.

После всего сказанного трудно говорить о Н. А. Бердяеве, о бердяевской мессианской идее Царства Божия, которую он выдает за идею русского народа.

Бердяева на Западе часто считают представителем «православной философии». Весь блеск дарования и яркость писаний Бердяева, способные порой заморозить, зачаровать читателя, сразу же тускнеют при более глубоком и трезвом их анализе. «Русская идея», «русское христианство» воспринимаются и толкуются Бердяевым, особенно в последний период его жизни и творчества, в форме смелых «афоризмов», по существу своему нигилистических и анархических. Он докатился до утвержде-

ния, пришедшегося очень по вкусу западным борцам против пресловутого «русского империализма»: «Мессианская идея марксизма, связанная с миссией пролетариата, соединилась и отождествилась с русской мессианской идеей».

По Бердяеву, русская идея отождествилась с мессианской идеей социализма и коммунизма? По мнению Н. П. Полторацкого, Бердяеву было бы «трудно доказать, что его Царство Божие действительно лучше Святой Руси, которая обращена к исканию русским народом святости, а не к культу „творческого“ нигилизма, анархизма и всяческой революционности, как у бердяевской „русской идеи“».

Н. П. Полторацкий метко определяет Бердяева, как «высококвалифицированного всесмесителя»: «Выдать Нила Сорского за предшественника и родоначальника „вольнолюбивого течения русской интеллигенции“, поместить в Царство Божие Льва Толстого и Бакунина с Пугачевым и Стенькой Разиным... провести прямую линию от идеи Москвы — Третьего Рима к идее Москвы — Третьего Интернационала, ... показать на примере многих своих собственных заключений, что „не элементарное зло соблазняет, а зло сложное и запутанное“, — вот что Бердяев называет ... „проникновением в умопостижимый образ русского народа, в *Божий замысел о России*“». На поверку оказывается, что все монументальное здание бердяевской „русской идеи“ — на первый взгляд очень яркой и доказательной — построено, во многом, на психологическом и идеологическом песке и на том, что Ф. А. Степун назвал когда-то „отсутствием логической совести у Бердяева“.

Объем моей статьи и рамки ее темы не позволяют подробно остановиться на рождении Русского Царства — после того, как «Москва — Третий Рим» осознала себя *мистическим центром мира*. Но одно несомненно: Русский народ, взяв на себя — как сначала казалось — непосильное духовное бремя и всемирную перспективу Первого и Второго Рима — т. е. Рима и Византии — становится *внутренне великим*.

Но тут оказывается, что русская идея постижима только на почве *религиозного сознания, религиозного реализма*. Она, по сущности своей, не знает действительности вне тайны, таинства и чуда.

Догматы Христианства для нее — факты мистического порядка, но это — реальные и объективные факты, а не субъективное состояние — или «настроение» — человека и его нравственной активности. Христос есть Богочеловек совершенно реально, мистически реально. Он *воистину*

воскрес из мертвых — «смертию смерть поправ». Опыт религиозного переживания есть единственно действительный и положительный опыт. Для русского православного сознания Христианство, в своем мистическом восприятии, уже *осуществлено*: как Вечная Истина и Божественное Откровение.

В этом смысле Христианство представляет собой данную действительность, божественную реальность: *Божья Правда становится в земной жизни рода человеческого действительностью*. И русская идея становится практически осуществимой — как идеал Правды: Действительность может и должна быть претворена в Царство Справедливости в духе и свете Божественной Истины. Недаром русский «простой» человек, в дореволюционные времена, на вопрос об его национальной принадлежности неизменно отвечал, что он — *православный*.

Верность русской души Православию создала небывалую в своем своеобразии и своей многогранности культурную и имперскую *великодержавность* — Великую Россию, в которой *великорусский* элемент отнюдь не был господствующим, да и само понятие «русский» стало шире и глубже «великорусскости». Необузданный и стихийный гений Петра Великого («Он весь, как Божия проза», по слову А. С. Пушкина) превратил Московскую Русь, прошедшую через горнило страшных испытаний Смуты на пороге XVII века; отстоявшую «Землю Святорусскую» от посягательства поляков, шведов, крымского хана и турок; воссоединившую Малую Русь — с Киевом, «Матерью городов русских» во главе — с Русской Державой; освоившую огромные пространства Сибири, — превратил *насильно* в Империю Российскую, ломая все преграды на своем пути, но и *разрывая одновременно органическую связь новорожденной Великой России со Святой Русью*.

Русской душе пришлось пройти через горнило *секуляризованной* европеизации, подчиниться духовно западной *безрелигиозной* цивилизации. Вызванное — еще при царе Алексее Михайловиче — церковными реформами Патриарха Никона *староверчество* (старообрядчество) встало в разную оппозицию к новоязыческому духу Петровской *Империи*, выведшему «отсталую» Русь на путь *мирового величия* и небывалого по богатству роста *светской* — «мирской» — культуры, порвавшей со Святой Русью и враждебной исконно-православной «белой пресветлой России» — по слову протопопа Аввакума.

Уничтожение Патриаршества в России еще больше обострило раскол *души народа*. Ревнители Святой Руси унесли ее светоч в глубь и глушь дремучих лесов, в тайники

и в подполье. Высшие слои и водители народа, ослепленные исполинским ростом и *внешним* величием России, незаметно поддались влиянию *внерелигиозной* светской западной культуры-цивилизации.

За расколом религиозным последовал раскол *национального сознания*: образуются две России: одна — народная, с образом Святой Руси и Православного Царя, помазанника Божия, в сердце; другая — «ведущая» этот народ, отчасти «просвещенная», «интеллигентская», уже *вненациональная*. Правда, тенденция последних царствований в дореволюционной России предрекала преодоление неоязыческого духа и восстановление православной государственности. Только невежество и злонамеренность могут отрицать, что после петровской встряски и выучки «рукой железной» — в течение двух столетий шел поступательный процесс *животворного* синтеза Святой Руси и Петровской Великой России. В частности, Русская Церковь как раз императору Николаю Второму обязана тем, что начаты были подготовительные работы по *восстановлению Патриаршества в России*. И какая-то новая, *животворящая* нотка звучит в словах А. В. Карташова, как представителя той части русской интеллигенции, которая нашла и находит путь к Святой Руси: «Мы... не можем не разделять искреннего плача православных русских сердец об утрате *миропомазанного защитника Церкви*, главы православного народа... Нам не по пути с политиками, садистически забивающими кол в могилу Православного Царства...».

Тело Империи Российской только временно изуродовано и исковеркано бесами революции. Вечная неистребимая *святорусская* душа — душа Малой и Белой, Великой и Червонной Руси, как и Руси Карпаткой, — душа *российской нации* жива под коммунистическим игмом, разгораясь в очистительное пламя *возрождения Святой Руси и воскресения Великой России*:

Из крови, пролитой в боях,
из праха обращенных в прах,
из мук грядущих поколений,
из душ крестившихся в крови,
из ненавидящей любви,
из преступлений, исступлений —
возникнет праведная Русь...

(М. Волошин)

Большевизм-коммунизм ускорил и завершил процесс *внерелигиозной* «европеизации» России. Но и без малого три века тому назад первые ядовитые семена рационалистического восприятия мира и жизни уже упали на тогда еще девственную почву

русской души, по-детски доверчивой к окружающему, но и не знающей удержку в разгуле страстей — («если Бога нет, тогда все позволено», по слову Ф. М. Достоевского); неутомимой в искании Добра и Правды, но и не знающей страха перед бездной греха и гибели. Процесс тления на Западе, перенесенный в Россию, сразу же стал процессом пламенного горения. Ибо русская душа не способна отделять веру от действия, истину от действительности, «теорию» от «практики», мысль от ее осуществления. Она остается неизменно честной в своем стремлении — идею и даже идеал претворить в действительность. *Если для русского человека идея есть осознанная вера, то вывод ясен: по вере нужно и жить.*

О, мы не сразу распознали сатанинскую природу большевизма-коммунизма, не сразу поняли, что не символический, а *самый* подлинный *антихрист* перед нами, — хотя и в собирательном, но вполне реальном и конкретном смысле этого слова. Между тем, достаточно раскрыть и пролистать любой том сочинений Ленина, чтобы найти там — и не раз! — черным по белому, что *коммунизм — это первая в истории человечества попытка построить небывалый до сих пор общественный порядок на базе сознательного, последовательного и воинствующего безбожия, на основа «научного» социализма-марксизма, на фундаменте атеистического материализма.*

Последовательно безбожный коммунизм осуществил — и именно на Земле Русской — строй *предельной бесчеловечности*. А ведь родился и вырос этот чудовищный «Архипелаг ГУЛаг» из подлинного и искреннего стремления тысяч «душевно хороших» людей к идеалам добра, справедливости и свободы, из вековой жажды «правды» и «воли» народных масс. Об одном только забыли — о самом главном: решили построить величественное здание *земного* счастья и благополучия *без Бога*. Мы — свидетели тому, что из этого получилось.

Нет, не низкие инстинкты, а высокие и идеальные порывы становятся двигателями человеческих масс в исторические моменты их бытия и развития. Революции чаще всего совершаются, с позволения сказать, «идеалистами». Но *правильно* страной мечтатели редко умеют, и власть — еще в момент ее захвата — переходит в руки оппортунистов и «прагматиков», а то и преступников, политических и нравственных «мерзавцев». Употребляю в данном случае это слово не как бранное, а как определение для человека, творящего *мерзкие* дела.

А если нарушенная правда становится ложью; если искаженное, лишенное божественного огня добро претворяется в свою противоположность, а извращенная свобода

вырождается в разгул, произвол или рабство, — то это внутренний порок *всякой* диалектики «от лукавого». Построить братство людей, а тем более — братство народов, на категориях производства и потребления, на «социологических» факторах голода и полового чувства или на «хартиях» политического рационализма, утилитаризма и утопизма — конечно, мыслимо теоретически, но на деле невозможно, неосуществимо. Прекращение войн — и гражданских, и международных — задача, не разрешимая ни политически, ни социологически, ни экономически. Ни одна политическая, социальная или хозяйственная система, как и ни один государственный строй, *сами по себе* не воплощают начал истины, добра и свободы. Без религиозно-нравственной основы, оторванные от Бога и Правды Божией, они неизменно становятся — в той или иной степени — носителями *неправды, зла и насилия*.

Должен, правда, сделать маленькую оговорку: в русской революции «идеалистами» были просвещенные либералы и патриоты из социалистов-революционеров и социал-демократов. Большевики, во главе с Лениным, были с самого начала холодными и последовательными мастерами «окаянства». Но, конечно, октябрьская революция была *логически* завершением «идеалистической» революции февральской...

С. Л. Франк, говоря об «ереси утопизма», убедительно показал, что даже «зудуманный для утверждения абсолютной Божьей правды на земле *утопизм* в процессе своего осуществления превращается в дело *убийства* — в переносном и прямом смысле слова — *живого, конкретного, реального человека*, в уничтожение самой жизни и, тем самым, всякой возможности ее морального совершенствования».

С точки зрения русской христианской и национальной идеи, человек в плоскости своего земного бытия есть единственная *живая* реальность истории. И он подчинен «миру», т. е. космическим условиям своего бытия *в меру собственной греховности*, или, иначе говоря, *внутреннего несовершенства*. Все сказанное относится в равной степени не только к отдельной человеческой личности, но и к личности *соборной* — в виде *народа и нации*. И безусловно прав С. Л. Франк, когда он утверждает, что «освобождение от этой зависимости возможно только в порядке внутреннего духовно-нравственного совершенствования... а никак не через какие-либо внезапные, механически действующие перемены *внешнего* порядка человеческой жизни».

Русская национальная идея — это, несомненно, (конкретно и в наше время) есть *возрождение Святой Руси, воскрешение и*

воскресение Великой России — Империи, созданной Петром Великим. В книге А. В. Карташова «Воссоздание Святой Руси» встречаются на эту тему глубоко проникновенные строки (лучше не скажешь): «Все мы — светские, „обасурманившиеся“ русские интеллигенты, — хотим мы того или не хотим, в своем духовном облике *запечатлены «святорусской» душой* нашего народа. *От нее никуда не уйти, как от самого себя*. И это спасительное счастье для Великой России. Российская Империя — не голая зоологическая сила, не чуждая „акула“ бесцельно, эгоистически поглощающего „империализма“, а мощный *многонародный организм*, носящий в себе *благородное и святое призвание* — *явить собою лик христианского по духу и православного по стилю государства*, т. е. максимально воплотить в человеческом общежитии *правду Христову, которой всегда алчет и жаждет русская совесть*; достичь внутри мирного сожительства классов, племен, народов с их культурами и сообщить блага этого свято-русского мира также и миру внешнему, человечеству... — достичь силами, излучаемыми Православием, не стесняющим мирской, научной, хозяйственной, материальной культуры, но призывающим вдохновляться вечными заветами Евангелия, заветами правды и святости».

Наш долг и наше призвание — быть духовно поборниками *возрождающейся Национальной Великой России, озаряемой изнутри сиянием облика Святой Руси*, не подавляя и не угнетая других народов и народностей, как и их самобытных культур.

Одиннадцать лет назад, в № 12 советского журнала «Юность» за 1966-й год, я натолкнулся на — казалось бы — довольно бесхитростное стихотворение некоей Юлии Друниной. Прочел я его не особенно внимательно, — и вдруг у меня екнуло сердце. И я невольно прочел это стихотворение еще раз. И думаю, что теперь я понял его:

Мысль странная мне в голову запала:
Как было бы, когда б узнала я,
Что в этом мире мне осталось мало, —
Допустим, лишь полгода — бытия!..

Ну, поначалу шок от этой весты,
А дальше что?..
И вдруг я поняла,
Что, в общем,
Все останется на месте —
Любовь, стихи, привычки и дела:
И книги недописанной не брошу,
И мужа на другого не сменю,
И никого ничем не огоршу,
И никого ни в чем не обвиню...

И лишь в одном наступит перемена:
Путевку заграничную продам

Да и пойду —
 Пешочком непременно —
 По древнерусским милым городам...

Ни слова о Боге. Ни намек о Святой Руси. Никакого упоминания Христа и Церкви Его. И, тем не менее, мне сразу же вспомнились слова И. А. Ильина, что «русской душе присуща жажда праведности, и что исторические пути и судьбы России осмысливаются воистину только через идею „богомолья“». Правда, и этого слова Юлия Друнина не произнесла. Зачем? Кому дано понять, тот поймет...

В решении Юлии Друниной нет безусловной непримиримости к коммунизму как к системе сознательного безбожия, — бескультурной и бездуховной, неминуемо ведущей к бесчеловечности, — как к лжеидее и лже-идеократии (пользуясь термином самобытного и своеобразного русского мыслителя кн. Н. С. Трубецкого). Даже и скептический Запад, обычно верящий только выгодной ему неправде о России, как раз на горьком и страшном опыте этой России увидел, что без глубокого, внутреннего религиозно-нравственного возрождения человека все мечты о «земном рае», все самые прекрасные «хартии», декларации и конституции — пустые слова, плоть, лишняя жизни и духа.

На наших глазах совершается великое чудо: духовное воскресение России, не погубившей своей бессмертной души — Святой Руси. Недаром то ли злобно, то ли иронически, а, быть может, — в растерянном недоумении, даже московский сатирический журнал «Крокодил» лет семь назад изрек:

И когда в атеистов
 вселился Христос —
 Одному только Богу известно...

Святая Русь побеждает Русь окаянную. Но ныне — и не только в лице коммунистических поработителей России — на Святую Русь, на русскую национальную идею и на русский идеал Правды ведет — пока еще «ощупью», осторожно — наступление враг, не менее страшный и опасный — мировая секуляризация культуры. Достаточно вдуматься в один, казалось бы, невероятный, но очевидный и неоспоримый факт: во всех «христианских» странах земного шара верующие христиане уже составляют меньшинство населения.

Пришедшие «оттуда» на Запад русские писатели с горестным изумлением и чувством острой тревоги смотрят на духовный разлад и распад этого Запада, на «циничное отступничество целого сонма христианских пастырей».

Выступая два года назад с речью в Берлине, Владимир Максимов тогда еще заявил: «ВЫЛОМИВШИЙСЯ из своей естественной религиозной гармонии и предоставленный собственной слабости человек начинает тяготиться божественным даром Свободы и инстинктивно тянется к материальной силе в поисках покровительства и защиты. Ему одиноко и страшно наедине с собой, он ищет общественного слияния с себе подобными, чтобы в этом узорном монолите хотя бы самоутвердиться и почувствовать себя в безопасности. Так зарождается психология всеобщего рабства, радиоактивно проникающая во все поры общественного организма. Рабство становится модой. У рабства появляются свои мыслители и пророки, апологеты и проводники, герои и мученики... К великому нашему счастью и во славу Господа свободный человек... властно заявляет грозящему рабству свое непреклонное: нет! Актом свободной воли он рабству предпочитает смерть. Умирая в концентрационных лагерях Потьмы и Хуанхэ, у Берлинской стены и в водах Гонконга, в застенках Гаити и Праги, он передает нам всем, как сокровенный завет, как благую весть, как молитву, драгоценный дар Свободы, завещанный нам Создателем. И пока жив хоть один из таких людей, можно со спокойной совестью утверждать: мы достойны Твоего великого дара, Господи, и мы сбережем этот дар для потомков!».

Призыв Владимира Максимова ко всем «современным христианам» представляет собой не столько попытку расширить радиус действия русской национальной идеи (о ней писатель «оттуда» вообще не говорит), сколько довольно наивную и крайне оптимистическую попытку создать Международное Освободительное Движение, в которое активные силы Российского Зарубежья вольются как боевая единица, добровольно отдающая себя под чужеземное командование. Во всяком случае и при всех обстоятельствах борьба против тоталитарного коммунизма, как системы и режима рабства, остается (как надеется Максимов) основной и первостепенной задачей. Вопрос лишь в том, не превратится ли борьба против тоталитарного коммунизма в действительности в борьбу за расчленение, а то даже и уничтожение России? «Заявление по украинскому вопросу» в № 12 «Континента», подписанное, в частности, Андреем Амальриком, Владимиром Буковским, Александром Галичем, Натальей Горбаневской, Владимиром Максимовым и Виктором Некрасовым, заставляет очень серьезно призадуматься над подоплекой этого шага...

Подождем, как откликнется на это заявление Александр Солженицын. Называю его имя, т. к. писатель в «Архипелаге

ГУЛаге» утверждает, что в каждом из разных потоков новых заключенных вливаются в лагеря и тюрьмы все время потоки верующих христиан, и что «они были и есть самые опасные» для коммунистической тирании. Ни купить, ни сломить этих истинных христиан невозможно. И темные силы стремятся и пытаются их разложить, — разрушить, растлить их духовную ткань: посулами, подачками, за которые, однако, нужно платить — платить ложью. Довольно верующему поддаться искушению лжи, и нет у него больше святой опоры, ибо отвернулся он от Света и поклонился «отцу Лжи», Дьяволу. Между тем, говоря словами Солженицына, «пренебрегаемый нами, самый простой, самый доступный ключ к нашему освобождению: личное участие во лжи... Наш путь: ни в чем не поддерживать лжи сознательно...».

На наших глазах происходит судьбоносная встреча старых и юных поборников Святой Руси, как души российской нации, с новым могучим течением русской духовной культуры, победно прошедшей через «геенну огненную» Архипелага ГУЛаг. О советских тюрьмах и лагерях писалось много и до Солженицына; но для писавших — эти тюрьмы и лагеря лишь места страданий и — нередко — мученической смерти. Солженицын в этих муках и страданиях видит испытание человеческого духа, — испытание для очищения и укрепления верующего человека. Здесь христианство Солженицына проявляется с особенной силой. Писатель соединяет судьбу отдельного

человека с судьбой народа, а историю с жизненным путем индивидуальной человеческой личности: «Простая истина — пишет он, — но и ее надо выстрадать: благословенны не победы в войнах, а поражения в них!.. После побед хочется еще побед, после поражений хочется свободы — и обычно ее добиваются. Поражения нужны народам, как страдания и беды нужны отдельным людям: они заставляют углубить внутреннюю жизнь, возвыситься духовно».

Все это глубоко верно. Но, тем не менее, нельзя возводить это утверждение в своего рода абсолюты. Есть моменты, когда его условность и относительность очевидны — во всяком случае, для верующего христианина. В известной борьбе Дьявола с Богом побеждает всегда и неизменно Бог. И поскольку арена этой борьбы, по словам Ф. М. Достоевского, сердца человеческие, то позволю себе повторить приведенные мною уже раз слова о. Сергия Булгакова: «Ныне совершающееся на русской земле есть отражение совершающихся катастроф в жизни космической и в мире духовном, и борьба Света и Тьмы с величайшим напряжением идет и по ту и по эту сторону бытия. И когда я думаю о том, сколько доблестных и лучших людей жертвенно и стойко уходят в тот мир, мне кажется, что отзываются бойцы в иную действующую армию, — туда, где они нужнее. Ибо Святая Русь воинствует и утверждается не здесь только, но и там, где хранят и ведут ее небесные вожди».

В. ПИРОЖКОВА

Родство душ?

В книге Адольфа Гитлера «Моя борьба», в главе «Ориентировка на Восток или восточная политика?» мы читаем: «Сама судьба, кажется, дает нам указание. Тем, что она отдала Россию большевизму, она отняла у русского народа ту интеллигенцию, которая до сих пор создавала и гарантировала его государственное существование. Ибо организация русского государства была не результатом государственно-политических способностей славянства в России, но чудесным примером государственно-организаторской деятельности германского элемента среди низшей расы. Так были созданы многие могучие империи. Низшие народы поднимались не раз при помощи германских организаторов и властителей в качестве руководителей до великих государственных образований и сохранялись до тех

пор, пока сохранялось расовое ядро той расы, которая образовывала государство. Россия столетиями питалась этим германским ядром своего ведущего слоя. В настоящее время можно считать, что он полностью уничтожен. На его место вступили евреи. Так же как для русских невозможно своею силою стряхнуть еврейское господство, так и для евреев невозможно долгое время удерживать могучее государство. Евреи сами не являются элементами организации, но таковыми дезорганизации. И конец еврейского владычества в России будет также концом самой России. Мы избраны судьбой быть свидетелями катастрофы, которая станет величайшим подтверждением правильности народной расовой теории». («Моя борьба», 1935, стр. 742—743).

В брошюре Андрея Амальрика «Просуществовать ли Советский Союз до 1984 г.?» мы читаем: «Ее славянское государство поочередно создавалось скандинавами, византийцами, татарами, немцами и евреями — и поочередно уничтожало своих создателей. Всем своим союзникам оно изменяло, как только усматривало малейшую выгоду в этом, никогда не принимая всерьез никаких соглашений и никогда не имея ни с кем ничего общего... Но что же будет? Я не сомневаюсь, что эта великая восточнославянская империя, созданная германцами, византийцами, монголами, вступила в последнее десятилетие своего существования. Как принятие христианства отсрочило гибель Римской империи, но не спасло ее от неизбежного конца, так и марксистская доктрина задержала распад Российской империи — третьего Рима — но не в силах отвратить его. Но хотя эта империя всегда стремилась к максимальной самоизоляции, едва ли правильно рассматривать ее гибель вне связи с остальным миром». («Просуществовать ли Советский Союз до 1984 г.», Амстердам, 1969, стр. 56—65).

Нет сомнения, между мышлением Гитлера и Амальрика есть различия. Если Гитлер только за германским элементом признает созидательные способности и возможность построить государство, то Амальрик не отказывает в таких способностях ни

монголам, ни евреям. Но оба они одинаково считают славян неспособными создать свое государство и поддерживать его. Славяне уж во всяком случае низшая раса, как для Гитлера, так и для Амальрика.

Только, когда читаешь Гитлера, чувствуешь фанатика идеи, ложной идеи, страшной идеи, идеи, которая привела к гека томбам трупов и страшной катастрофе его собственного государства. У Амальрика же не чувствуешь ничего, кроме невежества и мелкой ненависти к славянам, выраженных на плохом русском языке. Когда читаешь Гитлера, мороз пробегает по коже от ужаса перед тем, к чему эта идея привела. Когда читаешь Амальрика, то только пожимаешь плечами и спрашиваешь себя, как может человек, так примитивно и нелепо искажающий всю историю России, считать себя историком по образованию? Видимо, швейцарский историк Яков Бурхгардт прав: то, что в истории первый раз выступает как трагедия, повторенное, превращается в комедию.

Отметим еще, что опрошенный недавно западными журналистами, не хочет ли он что-либо взять обратно из утверждений, сделанных им в его брошюре, Амальрик ответил, что он ничего не берет обратно, он только немного ошибся в сроках.

Думается, что дальнейшие комментарии излишни.

ЕПИСКОП НАФАНАИЛ

Человеческое общество и общество шимпанзе

Несколько лет тому назад в Англии появилась книга, носящая название «В тени человека», написанная молодой биологичкой, ученицей знаменитого палеонтолога Л. Лики, Джейн Гудолл, по мужу Ван Лавик. Книга эта сразу приобрела популярность и была переведена на многие языки.

Книга всесторонне интересна. Это, хотя и популярный, но строго научный труд, описывающий почти десятилетнее непосредственное наблюдение над жизнью нескольких групп шимпанзе на берегу озера Танганьика.

Книга эта строго биологическая. Никаких поучительных, педагогических, а тем более апологетических целей она себе не ставит. Но автор, повидимому, верующая, насколько это можно заключить из ее слов на 244 странице, где, говоря о разнице в психологии человека и шимпанзе, Д. Гудолл пишет: «Человек требует объяснения тай-

ны своего существования и чудесности мира кругом него и вселенной над ним. Поэтому он почитает Бога, посвящает себя науке, старается проникнуть в тайны мироздания... И для тех, кто верит в бессмертие духа, насколько богаче становится жизнь».

Но если Д. Гудолл никаких апологетических целей не ставит и, повидимому, даже не догадывается о возможности апологетического подхода к ее книге, то пристальное внимание к ее труду открывает широкие возможности для религиозного истолкования ее наблюдений.

Ведь шимпанзе во всем животном мире по телесному органическому строению, по плоти, являются существами наиболее близкими человеку.

Ректор нашего богословского факультета в Харбине, Преосвященный епископ Дмитрий (отец Митрополита Филарета) не-

однократно утверждал, что по телу разница между шимпанзе и мартышкой больше, чем между шимпанзе и человеком, а по духу разница между человеком и шимпанзе больше, чем между шимпанзе и амебой. Св. Антоний Вел. об этом пишет так: «Живых существ четыре разных вида: одни из них бессмертны и одушевлены, таковы ангелы; другие имеют дух, душу и жизнь, таковы люди; иные имеют душу и жизнь, таковы животные, а иные имеют только жизнь, таковы растения. («Наставления о Доброй Нравственности», § 168, стр. 127).

По нашему христианскому учению шимпанзе, как и всякое живое одушевленное существо, обладает живой душой (Быт. 1, 21 и 24), но не имеет богоподобного духа.

Следовательно, в обществе шимпанзе мы имеем точное проявление общества близких нам по телу и по живой душе существ, лишенных всякой духовности.

Вспомним библейские строки, характеризующие древнее предпотопное человечество. «Не имать Дух Мой, говорит Господь, обитати в человецех сих, зане суть плоть» (Быт. 6, 3), т. е. они только плоть, у них только плотские интересы и желания. И вспомним еще, что Христос, характеризуя человечество пред концом мира, указывал на его внутреннее сходство с человечеством предпотопным (Лк. 17, 26).

Вспомнив все это, мы поймем, насколько важно нам внимательно приглядеться к обществу шимпанзе, такому внутренне близкому как к обществу предпотопных людей, так и к теряющим на наших глазах всякую духовность слоям современного человеческого общества.

Думаю, что именно в этом заключается наибольшая ценность и поучительность добросовестных научных наблюдений за жизнью шимпанзе, которые провела Д. Гудолл.

Мы поражаемся, насколько многие основные черты общества шимпанзе сходны с основными чертами предпотопного общества, как мы имеем данные его представлять, и с чертами современных передовых слоев человеческого общества, все более теряющего всякую одухотворенность.

В древне-еврейских преданиях и в святоотеческих толкованиях предпотопному человечеству в качестве основного морального греха приписывается свальный грех.

На страницах 90 и 91 своей книги, а также на многих иных ее страницах Дж. Гудолл очень ярко описывает половую жизнь шимпанзе, и это ее описание неоспоримо свидетельствует о том, что в сексуальных отношениях самцов и самок шимпанзе господствует то, что мы в человеческом обществе называем свальным грехом.

При этом Дж. Гудолл пишет: «Половые отношения между самцами и самками шимпанзе в значительной степени сходны с теми, которые можно видеть в настоящее время среди молодежи Англии и Америки. Иными словами шимпанзе очень похотны» (стр. 186). Несколько ранее Дж. Гудолл говорит: «В человеческом обществе семья опирается на отца, не только как зачинателя детей, но и как на защитника, как на кормителя. Впрочем, в наше время это меняется в некоторых странах мира, где женщины требуют полного равенства, где торжествует свободная любовь и внебрачные рождения. Но у людей все это происходит лишь в ограниченных группах, в малых культурных кругах, а не в человечестве как целом» (стр. 184).

Итак, не только нам, читающим книгу Дж. Гудолл под углом христианской морали, но и ей самой, автору, бросается в глаза глубокое внутреннее сходство в нравах шимпанзе и наиболее прогрессивных слоев современного человеческого общества.

Однако если в сексуальной жизни шимпанзе проявляется такое глубокое сходство с отдельными группами человеческого общества на Западе, то в других отношениях нравы групп шимпанзе проявляют не менее разительное сходство с нравами в тоталитарных странах Востока.

Вот как Дж. Гудолл описывает льстивое заискивание шимпанзе пред особями, выше стоящими в иерархии данной группы.

«Если кто-либо из взрослых самцов проявлял агрессивность, Вильям (описываемый самец шимпанзе) торопился показать свою заискивающую покорность, протягивая руки в знак своей готовности к подчинению. Всякий раз при встрече с самцами, стоящими выше его в групповой иерархии, он проявлял такое же трусливое заискивание» (стр. 77).

Дж. Гудолл интересно отмечает, как один из самцов добился наивысшего места в иерархии, применяя при демонстрациях своей силы пустые канистры, утащенные им в лагере биологов. И немедленно все остальные обезьяны стали проявлять пред ним униженное преклонение, совсем как это происходит в тоталитарных странах в момент смены вождя.

При этом Дж. Гудолл отмечает, что эти самцы, подхалимничающие пред выше стоящими особями, очень тираничны в отношении ниже стоящих. Она заключает: «Чем больше мы оглядываемся кругом, тем больше мы замечаем изумительную параллельность в отношениях между собой шимпанзе и человека» (стр. 125).

Заискивание и угодничество существовало и в человеческом обществе во все времена. Но когда в человеческом обществе

наличествовала одухотворенность, то даже в самые тиранические эпохи, например, при Иоанне Грозном, раболепное угодничество не оставалось необличенным. Восставали такие личности, как св. Митр. Филипп или «Репнин — правдивый князь», которые обличали тиранию и угодничество пред ней. Конечно, ничего подобного нет и не может быть в обществе неодухотворенных шимпанзе, как нет этого в обществе, искореняющем в себе духовность, например, во времена Сталина в СССР. Робкие ростки сопротивления тирании и подхалимству в России сейчас тесно связаны с попытками возрождения одухотворенности на нашей Родине.

Книга Дж. Гудолл ценна для вдумчивого читателя тем, что она беспристрастно и строго научно рисует образец «пост-христианского», ликвидирующего в себе всякую духовность человеческого общества, и вызывает вопрос: хотим ли мы добиваться такого общества или предпочтем вернуться к человеческим стандартам, знающим духовные, утвержденные религией ценности и руководящихся ими.

При этом нам важно помнить, что если для шимпанзе полное отсутствие духовности и вызываемые этим половая распущенность и подхалимство, вполне естественны и не связаны ни с каким моральным падением, будучи морально нейтральными, как морально нейтральна жестокость для тигра или змеи, или воровство для сойки или мартышки, то для человека эти стандарты не нейтральны, но связанные с моральной катастрофой, являющейся результатом воздействия на духовную природу человека злых духовных сил.

Мир духовный, как и мир физический, «не терпит пустоты», и там где выкорчевывается светлая духовность, ее место немед-

ленно захватывает духовность темная и злая. Она не останавливается только на половой распущенности и подхалимстве. Она старается сеять и другие, еще худшие свои семена. У шимпанзе стандарты их поведения неподвижны. Они и сейчас такие же, как были тысячи лет тому назад. В человеке же нравственные стандарты все время меняются: улучшаются под воздействием добрых духовных сил, ухудшаются под влиянием злых сил.

Мы уже и сейчас можем заметить, что к описываемым тут чертам общества шимпанзе, в человеческом обществе на Западе присоединяется еще безграничная фальшь и лживость, а на Востоке к такой же фальши и лживости еще беспредельно грубая жестокость, соединяющаяся с полным попранием всех человеческих прав и человеческого достоинства.

Хотим ли мы такого общества?

Примечание:

Да, есть люди, которые именно этого и хотят: озверения человечества, полного искоренения духа в нем. Но ведь людей, хотящих этого — сравнительно незначительное меньшинство. Почему же духоборчество в человечестве так разрастается, так нагло торжествует? Этому помогает могучая злая сила. Да. Но тем, кто хочет отстаивать светлое духовное начало в человеке готова помогать бесконечно более мощная Добрая Сила. Только не опускались бы безвольно руки защитников Добра, только не изменяли бы они Добру, не сдавались претендующему на торжество злу. И тогда можно будет спасти человечество от озверения, отогнать призрак бездуховности и возродить светлое цветение Духа в жизни человека.

А. ФЕДОСЕЕВ

„Прекрасное здание“ социализма, как видно, разваливается

С чего бы, кажется, тов. Брежневу сменить гнев на милость и начать снова подлаживаться под мистера Картера? Разве капитализм перестал быть противоположностью социализму? Конечно, нет: социализм в его полной форме никак не может быть построен, пока существует капитализм. Этот факт всем социалистам и тов. Брежневу хорошо известен. Беда в том, что уж больно фундамент у социализма непрочен: легко трещит и разваливается

в самый неподходящий момент. Только-только подзапаслись хлебом насущным за счет американцев, да за счет двух приличных (по милости Божией) урожаев, ну и вроде могли бы этому мистеру Картеру показать «кузькину мать», как надвинулось страшное бедствие: старики и старухи с подростками начали отказываться помогать социализму своим «подсобным» хозяйством кормить социалистическую страну.

«Не хлебом единым жив человек», как

сказал какой-то, видимо, капиталист, но и без хлеба тоже не проживешь. Не ровен час, и Политбюро может не поздоровиться, а за ним и всему социализму. Пожалуй, лучше не слишком раздражать капиталистов, пока не удастся подправить дело.

И главная то беда в том, что эти самые старики и старухи не подвластны в силу их стариковской сути силам социализма: поднажми на них, не дай Бог, еще умрут, а без них и подростки ничего не сделают. Как же быть? Тут уж не до жиру — быть бы живу. Приходится обратиться к общественному мнению и вместо простых и ясных директив заняться уговорами. А секретно-то публичку не уговорить. Приходится «язву социализма» представлять для всеобщего обозрения, чтобы общественное мнение не прошло мимо фактов, а всполошилось бы, да и не на шутку бы всполошилось.

24 августа этого года в «Литературной Газете» пришлось поместить интервью академика Всесоюзной Академии Сельскохозяйственных Наук В. А. Тихонова с таким содержанием, что, если в него вдуматься, так действительно волосы дыбом встанут. Ясно, что содержание это не только благословлено перепуганным Политбюро, но следует, конечно, его директиве и подытоживает серию аналогичных, но менее содержательных публикаций за последние пару недель.

Что же сообщает уважаемый академик? Я буду прямо цитировать.

Академик: «Подсобное хозяйство дает стране, примерно, 28% валовой сельскохозяйственной продукции».

Я: ничего себе «подсобное»!

Академик: «В подсобном хозяйстве в 1975 году было занято примерно 4,5 миллиона человек из 28 миллионов, занятых в сельской экономике».

Я: т. е. 16% дают 28% всей продукции. Молодцы, старики и старухи! Да к этому нужно добавить, что такого результата старики и старухи достигают всего на 1—3% земли. Подумайте только, какой бы рай был бы в СССР, если бы этим старикам и старухам дать и остальную землю!

Академик: «Кто входит в эти 4,5 миллионов? Многодетные матери, женщины преклонного возраста, пенсионеры, подростки, служащие, сельская интеллигенция (!), колхозники и рабочие совхозов. Для многих из них эта работа — своеобразная форма отдыха».

Я: хорош отдых после полного рабочего дня работы на государственных полях! Отдых! Когда без этого отдыха рискуешь помереть от голода!

Академик: «Социологи выяснили: сейчас жители деревни приобретают в магазинах 50%, а 50% производят у себя на участках».

Я: таким образом, работа на социалистическое государство кормит всего лишь на 50%!

Академик: «К тому же оплачиваемость труда в личном хозяйстве, как ни парадоксально это звучит, пока выше, чем в общественном».

Я: академик выразился несколько туманно — «оплачиваемость труда». В переводе с академического это значит, что зарплаток за работу на государственных полях (в колхозах и совхозах) значительно меньше, чем доход от работы на личном участке. Т. е., мало того, что работа на социалистическое государство не кормит, но и одеваться и жить тоже нужно за свой счет, а не за счет труда, отданного государству. Какой самый звероподобный капиталист или рабовладелец мог так эксплуатировать людей? Заметьте, это — «пока». «Пока» — после 60 лет социализма!

Академик: «Подсобное хозяйство сейчас нуждается в поддержке и помощи. Удельный вес его сокращается. Если в 1965 году оно давало 32% валовой продукции сельского хозяйства, то в 1975 — 28,3%».

Я: словом, после 60 лет социализма весь СССР кормится трудом несчастных 16% крестьянских рук на 1—3% земли. Вдумайтесь в эти цифры!

И вот где, оказывается, «зарыта собака». Эти самые, по словам академика, 4% уменьшения продукции, как видно, дают себя знать просто голодом во многих местах СССР.

Академик: «Существование подсобного хозяйства оправдано, закономерно и пока необходимо для нашего общества».

Я: значит, не отчаивайтесь товарищи социалисты, это — пока, а потом социализм восторжествует и можно будет стариков ликвидировать.

Я хотел бы добавить к этому интервью результаты моих собственных подсчетов относительно уровней жизни, сделанных на базе цен в государственных магазинах СССР и действительных зарплат после вычета во всех случаях налога. Такой подсчет доступен каждому, если он располагает цифрами цен и зарплат в царской России и в Англии.

Относительный уровень жизни:

	1914 год	1968 год
Англия	80%	216%
Царская Россия	100%	СССР 47%

Таким образом, не только сельское хозяйство, но и вообще все хозяйство социализма людей не обеспечивает. Такой эксплуатации, как при социализме, не знали даже римские рабы, не говоря уже о живших относительно совсем неплохо крепостных в царской России до 1961 года.

ДИМИТРИЙ ПАНИН

О гуманистическом Манифесте — II*)

В виду того, что совершенно несостоятельный «Гуманистический манифест II» подписали не только представители «третьей волны» в русской эмиграции, но и ряд западных авторов, редакция хочет ознакомить своих читателей с тем, что Д. Панин, один из новейших эмигрантов, ответил авторам в издающемся на французском языке журнале «Le Choix».

Редакция

В прошлом году на русском языке вышел сборник «СССР — демократические альтернативы» (Изд. Ахберг, Зап. Германия) под редакцией В. Белоцерковского, одного из новых московских эмигрантов, величающего себя представителем «новых левых». В разделе «Документы» помещен «Гуманистический манифест — II», составленный двумя редакторами американского журнала «Гуманист» в 1973 году. Подписавшие этот документ¹⁾ заявили «о своем одобрении Гуманистического манифеста — II для будущего человечества» и «пригласили» «людей из всех стран мира присоединиться (к ним) для дальнейшего развития провозглашенных целей».

Каковы же эти цели?

1. «Мы, однако, полагаем, что традиционные догматические или авторитарные религии, которые ставят откровение, Бога, обряд или саму веру выше человеческих нужд и опыта, оказывают плохую услугу людям».

«Как для людей нерелигиозных, для нас на первом месте стоит человек, а не Бог, природа, а не божество».

Удивительно, как новоявленные гуманисты не стесняются обнародовать свою отсталость в эпоху, когда открытия науки и события доказали крушение лженаучных доктрин.

— Порабощение более миллиарда людей и их гигантское истребление коммунистическими режимами²⁾ доказали, что доктрина, отрицающая Бога, враждебна человеку. Враги Бога оказались врагами людей.

Предтечами марксистов были гуманисты прошлых столетий.^{2а)} В результате, Ленин,

*) Напечатано на французском языке в журнале «Le Choix». Перевод автора. — Прим. ред.

¹⁾ Манифест подписало 300 человек.

²⁾ В СССР погибло более 80 миллионов человек; в Китае едва ли будет точно установлено число погибших.

^{2а)} «Гуманисты» не в смысле гуманности, а в смысле вытеснения Бога из центра сознания и замены его человеком.

которого в 1970 году ООН чествовала как величайшего гуманиста, провозгласил в 1917 году в России безбожное светлое будущее, которое так дорого обходится человечеству.

— Христианство (я полагаю, что авторы манифеста имеют его в виду, говоря о «догматических и авторитарных религиях») предопределило человеческое достоинство, гражданские свободы, высшие формы управления и государственности, уважение женщины и даже служение ей.

Восхваление Ленина, Сталина, Мао сопровождалось как бы массовым принесением жертв. Безбожие узаконило культ кроважидных тиранов и поклонение их трупам. Воистину, «плохую услугу людям» могут оказать современные гуманисты, ратующие за увековечение безбожных форм направления.

— Массовое распространение атеизма привело к катастрофическому падению нравов. В течение веков осмеивалось понятие чести и благородства. Это привело к тому, что элементарная честность перестала считаться добродетелью, и само слово «честность» вышло из употребления. Все более и более воцаряются змеиные нравы, в основе которых интриги, клевета, продажность, лживость. Так расплачивается человечество за изгнание Откровений, Бога, обрядов и веры, отрицаемых авторами манифеста.

2. «Любая оценка или объяснение природы должны пройти испытание на научную достоверность. На наш взгляд, догмы и мифы традиционных религий испытания не выдерживают».

Вселенная — лаборатория Бога. Его мысли в виде Божественных откровений и творческие решения, воплощенные в вещах физического мира, не противоречат друг другу. Новые гуманисты остались на уровне своих родоначальников, для которых мир состоял из осязаемых предметов, а все остальное провозглашалось суеверием. Современная наука далеко ушла вперед, и физика 20-го века в состоянии объяснить многое в странном поведении частиц в микромире, благодаря величайшим открытиям Планка, Эйнштейна, Гейзенберга, признававших наличие Творца.³⁾

³⁾ Не случайно лауреат Нобелевской премии мира, известный советский физик, академик А. Сахаров подписал Манифест, оговорив особо неправильность противопоставления религии и научного знания и не считая такое противопоставление актуальным.

Парапсихические явления в наше время не вызывают больше сомнений у специалистов и говорят об огромных возможностях души человека и о способности, правда, пока избранных, к изумительным достижениям, подтверждающим положения религии.

3. «Мы не находим достаточных оснований и свидетельств для веры в сверхестественное. Это либо бессмысленно, либо никакого отношения к вопросу выживания и самовыражения человеческой расы не имеет».

Элементарные сведения из области истории и археологии доступнее точных наук и по зубам новым гуманистам, большинство которых преподаватели гуманитарных дисциплин, журналисты, экономисты... Поэтому я позволю себе напомнить авторам манифеста, что и история, и археология с поразительным однообразием повествуют о том, что у всех народов различных эпох, рас, континентов молодость и зрелость связаны с зарождением и расцветом религии, а старость с ослаблением и вырождением религиозных чувств.

Широкое распространение идей гуманистов в наше время свидетельствует о том, что процесс распада Запада зашел достаточно далеко.

4. «Природа может, действительно, быть шире и глубже, чем мы о ней в настоящее время знаем, однако, любые новые открытия только увеличат наши знания о ней».

Следует приветствовать такое утверждение авторов Манифеста, которые открывают себе дорогу к прозрению. Наше познание природы стремительно увеличивается, благодаря новым открытиям, которые неизбежно опровергают постулаты безбожия и выросший из них гуманизм. Ошибки и просчеты безбожия уже давно переоценены наукой, но я напоминаю некоторые нелепости прошлого.

— Возможность возникновения жизни и человека в результате вереницы бессмысленных, никем не управляемых, случайных столкновений частиц сведена к нулю теорией вероятности и расчетами предбиологии. Доказано, что для образования одной молекулы белка потребовалось бы участие всех элементарных частиц вселенной, если они при этом занимались бы только этой задачей, и время, во много раз превышающее время существования физического мира.

— В вопросе возникновения вселенной безбожники прячутся за слово «вечность». Это свойство Бога превращается в атрибут материи, которая участвует в вечном движении, хотя первое и второе начала термодинамики отрицают наличие вечного двигателя. Как в сказке все получается само со-

бой, в надежде на случай. Путь глубокого проникновения в природу вещей, поиски, пылливость ума, исследования становятся бессмысленными по логике безбожия.

— Ставка на борьбу за существование и естественный отбор как на движущие силы эволюции, потрясает несообразностью. Силы уничтожения не могут обладать творческими способностями. Передача благоприобретенных признаков по наследству оказалась невозможной, и дарвинизм лопнул как мыльный пузырь. На основе данных генетики становится возможным доказать, что эволюция живых существ вплоть до человека могла быть выполнена только посредством творческих мутаций, требующих вмешательства Бога.⁴⁾

5. «Некоторые гуманисты полагают, что следует заново интерпретировать традиционные религии и придать им смысл, соответствующий сегодняшним условиям... такие переоценки... легко становятся обскурантистскими, сковывающими свободу интеллекта».

Интерпретировать религии действительно не следует и не только некоторым гуманистам, но и всем, кто в силу собственного обскурантизма не избавился от упорной проповеди безбожия. Поэтому:

— У гуманистов-безбожников отсутствие Бога, души, трансфизических явлений стало догмой, и любые поиски в этой области излишни. Отсюда их карикатурное объяснение мира и человека, граничащее с мракобесием. Свобода интеллекта у безбожников проявляется в выискивании неувязок в текстах Священного Писания и в насмешках по примеру семинаристов-недоучек и попов-растриг.

— В СССР, стране насильственно организованного безбожия, теория относительности, киббернетика, парапсихология, квантовая механика, генетика и многие другие науки долгое время рассматривались как порождение буржуазного мышления и высмеивались.

Почти 30 лет процветал в науке шарлатан академик Лысенко, например, утверждавший, что из семян брюквы может вырасти морковь. Почти все ученые и генетики, препятствовавшие подобному вздору, были ликвидированы. По неполным данным за 60 лет господства коммунистов было уничтожено более 30 000 ученых, среди которых было немало молодых, подающих надежды.

Можно было бы привести еще немало подобных фактов. Не они ли свидетельству-

⁴⁾ Д. Панин. «Вселенная глазами современного человека». Турне, 1976, стр. 48—56.

ют об обскурантизме и не с ними ли надо бороться?

Похуже на то, что гуманизм застыл на взглядах эпохи Эразма Роттердамского. Хотелось бы иметь и новую «Похвалу глупости», на сей раз против марксизма и безбожия и их питательной среды — гуманизма.

Религия, напротив, не сковывает, а поощряет все исследования. Современные философы изучают доступные проявления Бога.⁵ Христианская Церковь за 2000 лет существования только дважды воспротивилась научным открытиям, выступив против Коперника и Галилея. Но их открытия настолько перевернули повседневные и научные представления средневековых людей, что Церковь восприняла их как посягательство на религиозные взгляды. Однако, Коперник продолжал быть настоятелем собора, и Галилей, несмотря на гонения Церкви, дожил до глубокой старости и опубликовал свои труды.

6. «Традиционные религии часто предлагают людям утешение, но часто и сдерживают людей от помощи самим себе или полного использования своих возможностей. Их инструменты, вероучения и обряды часто подавляют в людях и стремление служить ближним... Нам следует не отвергать научные методы... (для создания)... нравственных ценностей».

В вопросах морали следует быть предельно вдумчивым и осторожным. Помогать самим себе, полностью использовать свои возможности, не подавлять в себе стремление служить ближним — двусмысленные формулы, удобные для оправдания любого аморализма. Новые гуманисты не далеко ушли от коммунистов, для которых морально все, что служит их целям.

Таким образом, дезертирство во время войны становится оправданным. Трус «помогает себе», уйдя из зоны, где может быть убит или ранен и тем самым сохраняет способность «полностью использовать свои возможности». Он даже объявляет себя пацифистом во имя служения ближним.

Террорист, стреляющий из-за угла в полицейского или убивающий заложников, чтобы освободить из тюрьмы членов своей шайки, помогает своим, используя свои возможности во имя служения ближним.

Установки гуманистов выросли из категорического императива Канта. Немецкий философ за свою долгую жизнь ни разу не удалился от Кенигсберга больше, чем на семь километров. Его размеренная жизнь

стала притчей во языцех, и жители проверяли часы, когда он появлялся. В таких благополучных условиях максимальным категорическим императивом может быть, например, сдерживание гнева, если у кухарки подгорело жаркое. Но категорические императивы не выдерживают экзамен в тяжелых, непосильных условиях, так как ум в это время не заботится о морали, а, наоборот, советует идти на преступление во имя спасения своей жизни.

В 20-м веке тысячи мыслящих людей оказались брошенными каннибалами в мясорубку. В сталинских лагерях заключенных убивали непосильной работой, голодом, морозом, недостатком сна и пр. В этих условиях сознание человека выискивало любые оправдания подлости и низости, толкая людей на воровство, измену, предательство, даже в отношении ближних. Бывшие человеческие существа карабкались по трупам.

Иным было поведение людей крепкой веры. Заповеди вероучения, требующие абсолютного подчинения, заменяли им кантовские императивы, установки гуманистов и коммунистов. Вера прекращала блудливое метание ума, успокаивала душу, помогала клеточкам тела более экономно расходовать свою энергию. Конечно, и они погибали, но достойно, мужественно, спокойно.⁶⁾

Вера в Бога создает подлинный этический контроль внутри и вне человека и помогает ему в любой обстановке. Религия сдерживает людей, объявляя низменные поступки грехом и преступлением.

Поскольку мораль определяет судьбы человечества, следует остановиться на некоторых положениях:

— Мораль должна исходить от Бога и быть воспринята как непреложный закон. К ней нельзя применять земные мерки.

Нравственность не должна определяться рассудком, который под давлением страждущей плоти оправдывает любые сделки с совестью.

— Мораль во имя будущего человечества — дьявольское изобретение, которое разрешает истребление миллионов людей во имя мнимого счастья их потомков.

— Изгнание понятия греха превращает жизнь в зверинец.

— Нравственные ценности не могут быть созданы научным способом. Догмат Церкви о добрых делах указывает человеку правильный путь в жизни.

⁶⁾ Безбожники, которые вели себя достойно, пламенно верили в земные кумиры, заменяющие им Бога, или обладали исключительной волей к протесту. Правда, вера в кумиров, часто сменялась разочарованием, так как земные ценности не идеальны.

⁵⁾ Я тоже попытался объяснить сотворение мира, исходя из открытого мною закона о движении вещей в книге «Вселенная глазами современного человека».

7. «Слишком часто традиционные религии поощряют зависимость, нежели независимость, повиновение, нежели самоутверждение, страх, нежели мужество».

— Зависимость от воли Бога — великое благо и обеспечивает достижение высоких форм свободы без нарушения независимости других людей. Подчинение человека законам, отвечающим христианскому вероучению, создает основы мудрой государственности. Христианство способствовало созданию самых совершенных форм управления, безбожие породило террористические диктатуры. Следует приветствовать зависимость, приводящую к свободе, а не к рабству.

— Повиновение Богу и Церкви, а не деспоту и диктатуре спасительно. Такое повиновение рождает высокий дух, достоинство, честь, благородные поступки... Безбожное самоутверждение личности питает эгоцентризм и эгоизм, приводящие к рабскому подчинению насилию. Самоутверждение личности верующего происходит благодаря самоусовершенствованию, молитве, смирению своих страстей, служению ближним.

— На протяжении столетий доказаны мужество и отвага верующих доблестных героев войн и восстаний, отстаивающих свободу, независимость и самостоятельность своих народов.

Могучая вера в Бога, твердая как камень, лишает человека страха, и он добровольно принимает лютые муки. О вероучении следует судить по рядовым и лучшим его носителям, а не по худшим.

Организованное массовое безбожие сеет разъединение и ослабляет человека, поэтому служит порабощению народов.⁷⁾

8. «Мы не видим каких-либо признаков божественной цели и смысла в жизни человеческих существ... Никакое божество нас не спасет. Мы сами должны себя спасти».

Бог внес величайший смысл в жизнь верующего. Он поставил сложный эксперимент, создав человека, плоть которого принадлежит физическому, а душа — трансфизическому миру. В Божественных откровениях даны цель и смысл жизни: завоевание Царства Божия на земле и спасение души. Трудности, опасности, соблазны мешают этой задаче и требуют большого напряжения сил. Человек наделен разумом и свободной волей, чтобы выбрать свой путь в жизни.

Можно только по-братски пожалеть гуманистов, не понимающих Божественной

цели в жизни человека. Проклятье безбожия как раз в бессмысленности и бесцельности существования: жить, страдать, жертвовать собой не для чего, — смерть все сметает.

Не перепев ли строки «Интернационала» («Добьемся мы освобождения своею собственной рукой») в призыве гуманистов об обязательном самоспасении? Опыт показал, что подобные фразы заканчиваются рабством народов. Бог, отвергающий тиранию, мучителей, террор, опасен для тех, кто прибегает к преступным средствам. Гуманистам следует, как можно скорее, отдать себе в этом отчет и выйти из числа разносчиков бедствий.

Люди не марионетки, и Бог не дергает их за ниточки, Он спасает нас вразумлением, предупреждением, знаменательным сочетанием фактов, благодаря нашей молитве или по Своему Промыслу. Но Он никогда не насилует воли людей. Каждый человек вправе спасти себя и других, и хорошо, если при этом его душа открыта восприятию Бога.

9. «Обещание бессмертия в потусторонней жизни, как и страх вечного проклятия иллюзорны и вредны. Они отвлекают людей от забот и нужд сегодняшнего дня, от самовыражения, от борьбы с социальной несправедливостью».

Манифест новых гуманистов не оставляет тени сомнения, что гуманизм — не «культ всего человеческого» (Ренан) и не «доктрина, конечная цель которой человеческая личность и ее расцвет» (Словарь «Ле Пети Робер»). Приведенные определения отражают неосуществленные устремления подлинных гуманистов. Их трагедия в том, что они противопоставили Богу человека и, возвеличивая его, способствовали гибели личности. Непризнание Бога привело к отрицанию души и бессмертия. На помощь гуманистам пришел дарвинизм, «объяснивший» происхождение человека от обезьяны, позитивизм и марксизм с его определением человека как куска «высокоорганизованной материи».

Для последователей этих и з м о в человек, созданный по образу и подобию Бога, исчез. Носитель бессмертной души, дающей достоинство, свободу и неприкосновенность, стал существом, с которым можно не считаться. Поэтому возможным стало уничтожение миллионов людей, которые по логике безбожия отличаются от скота лишь умением думать. А чтобы сохранить свою жизнь, думать следует только, как повелевает начальство.

Вредят ли обещание бессмертия в потусторонней жизни и страх вечного проклятия? Отвлекают ли они от забот и нужд,

⁷⁾ Волнения и забастовки в СССР отражают стихийный взрыв доведенного до крайности всего населения.

от борьбы с социальной несправедливостью?

Опыт истории и повседневные факты жизни учат, что забота о спасении души исправляет, облагораживает, смягчает верующих. Соответственно сокращается количество пороков и низостей, ведущих к преступлениям. Заповеди вероучения требуют для спасения души достойного поведения в жизни:

— выполнения долга перед родными и близкими, обществом и государством;

— осознания себя гражданином и создателем жизни;

— борьбы за правду, справедливость, свободу;

— отпора насильникам, террористам, поработителям.

Во имя борьбы с социальной несправедливостью, за которую так ратуют новые гуманисты, следует подвергать сокрушительной критике безбожные установки и в этом вопросе быть бескомпромиссными.

10. «Современная наука отвергает историческую концепцию „духа“ в „машине“ и идею об „отделении души“. Она утверждает, что человек появился в результате эволюции сил природы. Насколько нам известно, личность в целом — это функция биоорганизма, проявляющего себя в социальном и культурном контексте. Достоверные доказательства того, что жизнь продолжается после смерти тела отсутствуют».

Вопреки этим утверждениям современная наука располагает другими данными:

— Русский физик Н. И. Кобозев доказал, что на молекулярном уровне (в мозгу) логическое мышление невозможно без особого аппарата, который не должен состоять из физических частиц.⁸⁾ Тем самым он подтвердил необходимость души и духа.

— Душа представляет аппарат, в котором сигналы внешнего мира трансформируются в ощущения.⁹⁾

— Некоторые силы физического мира могут воздействовать на образование из трансфизических частиц только тогда, когда они соединены друг с другом, согласно механизму связи души с мозгом. При нарушении этой связи наступает смерть, и силы физического мира не способны повлиять на душу и, следовательно, ее разрушить. Поэтому смерть телесной оболочки приводит лишь к высвобождению души.¹⁰⁾

— Психологические понятия и парапсихические явления основаны на наличии ду-

ши у человека, иначе они необъяснимы. Несмотря на возросший объем сведений, знаний, открытий и именно благодаря им, современная наука и передовая философская мысль подтверждают наличие души и ее бессмертие. Кроме того, в науке нет достоверных доказательств отсутствия продолжения жизни души после смерти, и новые гуманисты вынуждены цепляться за ошибочные положения дарвинизма об эволюции сил природы и о личности как функции биоорганизма.

Люди верят в научные открытия о возможности существования некоторых микрочастиц на период ничтожной доли секунды (10⁻¹⁵), а гуманисты призывают нас забыть о существовании души, которая связана с телесной оболочкой в течение всей нашей жизни.

Новые гуманисты обещают «существенно повлиять на психологию нашего поведения, изменить направление эволюции и культурного развития людей». Не марксисты ли забыли поместить эти зловещие строки в «Коммунистическом манифесте»? Ведь для них важны только большие массы людей (классы), а не отдельный человек, который обязан подчиняться решениям партии.

Так гуманисты, отрицая душу, неизбежно отнимают у человека его духовную силу, могущество, значимость и превращаются, сами того не ведая, в антигуманистов.

11. «...мы утверждаем, что моральные ценности проистекают из человеческого опыта».

Подтверждает ли человеческий опыт это утверждение?

— Неужели идолы, требующие кровавых жертвоприношений в языческие времена Моисея, вложили в его уста следующие слова: «Я Господь, Бог твой... Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим. Не делай себе кумира и никакого изображения... Не поклоняйся и не служи им...» (Исход, 20, 2-5)?

Не жестокие ли нравы этой эпохи, когда люди крали, обманывали, убивали, породили десять заповедей Моисея и особенно эти две: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим... всем разумением твоим» (Второзаконие, 6, 5); «возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Левит, 19, 18)?

— Не иудеи ли, ожидавшие две тысячи лет назад Мессию, грозного царя-завоевателя, заставили Христа объявить, что «Царство мое не от мира сего» и дать людям учение высокой моральной силы, которое до сих пор некоторым кажется невыполнимым?

— Разве христианская Россия, шедшая, хоть и медленно, по пути улучшения нра-

⁸⁾ Н. И. Кобозев. «Исследование в области термодинамики процессов информации и мышления». 1971. Изд. Московского университета.

⁹⁾ Д. Панин. «Вселенная глазами современного человека», глава 21.

¹⁰⁾ Там же.

вов, ответственна за аморализм Ленина и преступления его последователей?

Аморализм — всегда плод человеческой деятельности, и несомненно Божественное происхождение истинно-моральных ценностей. Свою мораль гуманисты не создали, зачем же разрушать то, что есть у человечества?

12. «Этика проистекает из человеческих нужд и интересов. И отрицать это, значит искажать саму основу жизни... (Людам) необходимы также этические ценности, в соответствии с которыми они хотят жить».

Я позволю себе все же выступить против столь безапелляционного утверждения. Этика не проистекает из человеческих нужд и интересов. Этические ценности, которые могут выдумать люди, могут быть ими же отменены для своей выгоды и удобства. Этим отличается аморализм, которому сопутствует развал души. Напротив, мораль сдерживает, направляет человека, препятствует часто его желаниям. Но если мораль лишь выдумка человека, то зачем подчиняться ее требованиям?

13. «В человеческой жизни есть смысл, ибо сами мы творим и развиваем наше будущее. Неизменными целями гуманизма являются счастье человека, творческая реализация его нужд и устремлений... Мы боремся за хорошую жизнь здесь и сейчас».

— Призыв к творению будущего (особенно «светлого») уже не раз оказывался ловушкой, поставленной теми, кто стремится захватить власть любой ценой. Когда власть захвачена, от людей требуют терпеть, жертвовать собой, трудиться во имя счастья потомков.

— В наш демагогический век понятие счастья всячески деформировано. Достичь счастья не просто, так как требования плоти противостоят велению духа. Надежное счастье, не приносящее бедствий другим, возможно, если повседневные цели неразрывны с помыслами и добрыми делами во спасение души. Те, кто это понимает, может подготовить счастье своих детей.

— Нахождение смысла жизни в творчестве доступно только небольшой элите людей. Остальные используют идеи творцов в будничной работе. Они, как и сотни миллионов детей, подростков, стариков, больных должны тоже иметь смысл в жизни. Не следует об этом забывать авторам Манифеста.

Гуманисты справедливо выступают против сил, направленных на «привнесение коммерческого духа во все сферы жизни, ее вульгаризацию, бюрократизацию и дегуманизацию».

Зачем же те, кто выступает против дегуманизации, хотят изгнать религию? По-

чему авторы Манифеста не возложили вину за бюрократизацию на главных ее виновников — партийных бюрократов коммунистических стран?

14. «Разум — наиболее эффективное средство, которым располагает человечество. Ему нет замены: ни вера, ни чувство сами по себе недостаточны».

Всегда ли наиболее эффективное средство разум?

Даже при составлении чертежа машины часто решающим для инженера является его интуиция, вера в свои силы, любовь к порученному делу. При прочих равных условиях труд человека, любящего свою работу и увлеченного ею, и того, кто ее ненавидит, выполняя задание из-под палки, дает разное качество изделия. Но, действительно, в деловой атмосфере разум на первом плане.

В сфере подлинной морали у разума бесспорно подсобная задача — поиск наилучшего исполнения требований вероучения, сдерживающего желания человека.

Настоящие гуманисты обязаны любить живого человека, поэтому не следует принижать высокие чувства — веру, надежду, любовь, — восхваляя разум.

После отрицания в Манифесте Бога, религии, традиционной морали, непоследовательны следующие утверждения: «Человеческая личность полноценна тогда, когда разум в ней уравновешен чувством сострадания и сопереживания». «...искусство, поэзия и музыка не утрачивают своего места в человеческой жизни, наряду с религией и этикой». К чему вдруг этот реверанс? Не заботятся ли о своем реноме авторы, не желая прослыть сухими и бездушными рационалистами? Или они просто желают отмежеваться от марксизма, который в теории и практике показал свой звериный оскал?

15. «Мы отвергаем все религиозные, идеологические или моральные кодексы, принижающие и дегуманизирующие человеческую личность, подавляющие свободу и интеллект».

— Дегуманизируют человека и идеологические кодексы, которые его развенчивают и принижают, утверждая, что он кусок мыслящей материи.

— Дегуманизируют человека те, кто отрицает Бога, душу, вечную мораль, а не те, кто силой религии пытаются поднять человека, исправляя его поведение.

— Захваливают человека те, кто потом использует его как даровую рабочую силу и пушечное мясо. Обличают человека, требуя от него совершенствования, те, кто желают ему добра, те, кто способны повести его за собой по пути развития душевного

благородства, отваги, жертвенности, любви к другим.

— Десятки миллионов жертв в режимах, отменивших моральные кодексы, свидетельствуют о практике организованного безбожия.

16. «... мы отвергаем те стороны традиционной религиозной морали, которые отказывают человеку в праве осуществлять все свои потенциальные возможности и осознавать всю полноту своей ответственности... В области секса мы считаем, что нетерпимость, часто насаждаемая религиозным догматизмом и культурами пуританского характера, приводит к неоправданному подавлению сексуального поведения... мы не желаем запрещать ни в форме закона, ни в форме социальных санкций различные формы поведения между взрослыми партнерами. Разнообразие сексуальных экспериментов само по себе не должно считаться злом. Не одобряя... разнузданный промискуитет, цивилизованное общество должно быть в то же время т е р п и м ы м».

Любовь к людям требует отеческой строгости, а не поощрения низости плоти и спада духа. Людей следует призывать к самообузданию своих страстей. Падших и порочных следует подвергать серьезному лечению. Как могут новые гуманисты узаконивать пороки, ненормальности, извращения природы?

Настоящий гуманист обязан заботиться об успехах евгеники, а не толкать под откос неустойчивых и слабых. В приятных для их уха словах таится глубокое пренебрежение к человеческому существу, которому неразумно запрещать утеху плоти, поскольку забота о душе отпадает, в силу ее отсутствия. Боюсь, что новые гуманисты не отдадут себе отчета в последствиях своей терпимости. Скольким преступникам она даст возможность развратить и искалечить незащитных малолетних? Каково будет их число?

Опомнитесь, подписавшие Манифест! Возьмите свои слова обратно, пока они не стали отправной точкой для завтрашнего прославления наркотиков, содомии, промискуитета...

Не во имя ли желанья не отстать от моды и прослыть передовыми новые гуманисты стали на столь скользкий путь?

Вызывает также удивление признание в Манифесте права на евтаназию и самоубийство. Сколько людей, воспользовавшись евтаназией, можно будет объявить неизлечимо больными и насильственно лишить их жизни по воле заинтересованных лиц? Какие безбрежные горизонты открываются для преступлений!

Церковь запрещает самоубийство как страшный смертный грех, и в силу этого немало людей спаслось от приступов малодушия и сохранили себе жизнь.

17. «Мы за открытое и демократическое общество... Следует децентрализовать принятие решений с целью участия в них огромного числа людей на всех уровнях — социальном, политическом, экономическом».

В социальной, экономической и политической жизни решения должны приниматься не огромным числом дилетантов, а узким числом специалистов. Иначе возможны пагубные последствия. Как можно, чтобы решения в политике принимало огромное число людей и среди них те, которые руководствуются личным интересом, когда ошибаются даже хорошо подготовленные для служения обществу политики, знающие обстановку и располагающие необходимой информацией?

Не случайно Манифест подписали сторонники «третьего пути»¹¹⁾ в экономике, который соответственно марксистским постулатам предлагает рабочим участвовать в управлении предприятиями.

18. «Силы, приводящие к отчуждению, должны быть либо изменены, либо уничтожены, а бюрократические препоны сведены к минимуму. Люди более ценны, чем десять заповедей, чем любые правила и установки».

Хотя новые гуманисты посвятили религии специальный раздел, высказав свое отношение к ней, они не перестают отдавать дань безбожию на других страницах Манифеста и не забывают лягнуть религию.

Забота о людях требует прежде всего разоблачения коммунистических режимов, где достигнуто неслыханное отчуждение людей. Ему способствуют огромная сеть сексотов, борьба членов партии и комсомольцев с любыми самостоятельными объединениями, преследования тайной полицией. В этих условиях люди вынуждены опасаться друг друга, недоверять даже ближним, прятать свои мысли, следить за каждым сказанным словом. В этих режимах каленым железом выжигают любое проявление человечности, но щедро сеют ненависть и злобу.

Честно ли умалчивать о язвах века и сваливать всю вину на религию?

19. «... мы осуждаем разделение человечества на националистической основе... Мы мечтаем о развитии... единого миро-

¹¹⁾ Несостоятельность «третьего пути» была обоснована в ряде статей (Ламбсдорф, Пирожкова, Федосеев, Югов), появившихся в русских эмигрантских журналах.

порядка, основанного на наднациональном федеральном правительстве...»

Не следует причинять зло другой расе или нации, или испытывать к ним дурные чувства, то есть быть расистами или националистами. Но нормально для человека любить свою расу или нацию. В свете этого сложный вопрос слияния рас и наций должен быть всесторонне изучен. Согласно законам природы¹²⁾ гораздо более целесообразно и жизненно усовершенствовать каждую расу, развивая ее положительные качества и используя ее преимущества. Предложение о наднациональном всемирном правительстве должно быть высказано не в форме мечты гуманистов прошлых столетий, а содержать конкретные предложения.¹³⁾

20. «Чрезвычайные диспропорции в благосостоянии, доходах и экономическом росте должны быть сведены к минимуму в мировом масштабе».

Сейчас не времена Маркса, когда преобладал ручной труд. Его политэкономия безнадежно устарела. Прибавочный труд в условиях современного производства создается путем использования природной энергии, благодаря усилиям руководителей предприятий, инженеров, рабочих, изготавливающих изделия, и служащих, коммиссионеров, транспортников, распределяющих их по потребителям. От их дружной работы зависит величина заработка всех участни-

¹²⁾ Закон движения вещей («Вселенная глазами современного человека», глава вторая), который я усматриваю в мире, утверждает, что любое явление происходит вследствие разности густот. Поэтому любое единство состоит из неравных, различных противоположностей; любое сложное образование не должно быть серой однородной массой.

¹³⁾ В «Обществе независимых», которое я предлагаю как будущее мироустройство, народы имеют свои государства, которые находятся под наблюдением представителей всемирного этического контроля («Мир-маятник», 1977).

ков процесса и благосостояние общества.¹⁴⁾ Богатство может стать общим уделом, так как запасы энергии (включая атомную) неисчерпаемы, и нужное количество сырья может быть покрыто заменителями. Имущественная разница не исчезнет, но не будет иметь практического значения. Голье призывы о сведении к минимуму диспропорций в благосостоянии ведут лишь к разжиганию зависти.

21. «Мы призываем переступить порог ограниченных и жестоких идеологий, нравственных, религиозных и прочих. Мы призываем к признанию единых гуманистических ценностей для всех людей в мире».

В течение пяти веков гуманисты не сумели ничего создать в области морали, но способствовали ее разрушению. К каким единым гуманистическим ценностям призывают новые гуманисты?

Гуманисты давно уже могли убедиться, что люди либо следуют вечной морали Божественного происхождения, либо ведут себя аморально как человеконенавистники и разрушители общества. Среднего не дано.

Не банкротством ли гуманистов следует считать этот призыв?

*
*
*

Я рассмотрел лишь основные положения Манифеста, к сожалению, названного гуманистическим. Его авторы часто призывают людей к замене устоев и даже к их разрушению, хотя разумно было бы начать с созидания.

Подлинным гуманистом следует считать того, кто хочет гармоничного развития духа, ума, воли, тела человека. Советы авторов Манифеста снижают возможности человека и делают его игрушкой в руках авантюристов и преступников. Гуманизм не заменил собой христианства, хотя преуспел в его вытеснении. Мировоззрение гуманистов на поверку оказалось бесплодной смоковницей.

¹⁴⁾ Д. Панин. Политэкономия на энергетическом уровне. (В книге «Мир-маятник», 1977).

ИГОРЬ СИНЯВИН

Потуги сатанизма*)

Вызвал сатир Марсий бога Аполлона на соревнование. Дикая хаос зазвучал из свирели Марсия. Содрал с проигравшего Марсия шкуру лучезарный бог.

*) Статья И. Синявина в виду ее важности перепечатывается из «Нового журнала», кн. 127. Корректурa внесена автором. Прим. ред.

Перед нами увесистый сборник поэзии, графики, прозы и живописи, изданный Михаилом Шемякиным. Назван «Аполлономъ — 77». Как объясняют составители — именно участники этого сборника сохраняют в чистоте традицию журнала с подобным названием, издававшегося С. К. Маковским в начале века. Но не самозванец ли Мар-

сий, скрывшийся за именем «Аполлона — 77», вылезает из тьмы забвения?

Попробуем спокойно и внимательно рассмотреть товар, который нам предлагают за немалую цену. Начнем с главы предприятия.

Михаил Шемякин начал свой творческий путь в Ленинграде. Там же начались его первые полуофициальные выставки живописи, впитавшей в себя живительные соки неофициального искусства. Но уже в бывшем Петербурге он начинает переключаться на графику, в которой выработал своеобразный карикатурный стиль. Начал складываться он у него с иллюстраций к «Коту Муру» Гофмана и к «Преступлению и наказанию» Достоевского. Его рисунки наполнены таинственностью, некоторой мистичностью, выводящими их за границы жанра карикатуры. В 1972 г. он благополучно переезжает во Францию. Наступает пелером. Творческий поиск сменяется серийным производством. На линолеуме вырезаются контуры рисунка, которые можно затолкать постепенно меняющей свой цвет краской. Последнюю операцию не обязательно делать автору. Так место лаборатории занимает производство. Рисунок тоже упрощается до условного знака. Появляются бесчисленные ядовитые карикатуры на человека: человек-фаллосы, политические карикатуры, в которых неизменно присутствует Вовка-морковка.

Человеку, жившему в советской России, пропаганда вбивает в голову, что Запад разложен, что сексуальная мания в лжедемократическом мире заменила религию, антисоветизм — культуру, нажива — честь. И если личность не сопротивляется активно идеологическому давлению и не противопоставляет выстраданное духовное кредо, то звезды стереотипов, вбитые тотальной пропагандой, остаются в голове. Покидая Россию, такого рода люди бросаются завоевывать засевавший внутри них образ «капиталистических джунглей». Бросаются в спекуляцию, готовы заложить за доллар душу. Это явление неизбежное, но следует называть вещи своими именами. Не надо поездку за деньгами величать духовным подвигом, удовлетворение вкусов буржуа-обывателя — служением искусству, а карикатуры — иконами прарелигии.

Успех и доход позволяют Шемякину вложить средства в рекламу. Появляется «А-77». Но не одна необходимость в расширении собственного дела служит движущим стимулом. В России за время отсутствия «художника всех времен и народов» сложилась непредвиденная ситуация. Неожиданно начались официально разрешенные выставки свободного искусства. Внимание мировой общественности приковано к

борьбе художников за свободу творчества, к новым именам. Как и всякому россиянину, Шемякину, конечно, больно чувствовать свою оторванность от духовных и творческих процессов, протекающих в той среде, с которой некогда был связан. Но, видимо, не с радостью и надеждой реагирует он на эти события. Шемякин уверовал в свою исключительность и свое «величие» и так настойчиво пытался убедить в этом весь мир, что ему ничего другого не остается, как продолжать утверждать: «С моим выездом в России не осталось художников. Все движение так называемых художников — не больше, чем скопище бузотеров». Но мир почему-то продолжал интересоваться русскими событиями. Появилась опасность выпасть из моды. И у Шемякина рождается идея альманаха, который бы представил его не просто талантливым карикатуристом, но главой и покровителем целой школы, оставленной им в России, которая одна только и заслуживает внимания.

Художники и поэты, услышав о возможности выхода в свет предстоящего сборника, преодолевая цензурные рогатки высылают в Париж репродукции картин, фотографии с выставок, стихи. Но, увы, свежий ветер с берегов Невы пропускается через новый цензурный отбор главного редактора. Такая оценка личности и творчества Шемякина невольно рождается при обозрении его пути и работ. Но дай нам Бог ошибиться и обнаружить под нарядом клоуна власяницу подвижника.

Прежде чем браться за статью, пришлось задуматься: стоит ли вносить разлад в и так непрочный мир русской эмиграции? Статья эта пишется с большой душевной тяжестью. Это скорее тяжелый труд от сознания долга, чем радостное вдохновение.

Спор, столкновение с эстетствующей богемой, не нов для нас, он — продолжение внутрироссийской художественной борьбы разных направлений. Беспринципная богема — друзья и наследники штанов, кистей и духа Шемякина — приезжали к месту предстоящей выставки на открытом воздухе с намерением бить нас вместе с дружинниками и милицией. Были обозлены, что им помешали в начавшемся сговоре с КГБ. Это их подсовывала вездесущая организация в руководство ленинградским свободным художникам, заверяя, что тогда все пойдет хорошо. Это шемякинцы записались первыми в штрейкбрехеры и сейчас рука об руку с Комитетом закладывают основы соцарта. Так что осуждение «Аполлона-77» — то не раскол внутри свободного искусства, а скорее война с завтрашним официальным советским искусством.

Да и сам «Аполлонь-Шемякин» открывает на первых же страницах палубу и пускает плевки в разные стороны. Так что мы лишь подняли перчатку. Можно было бы все же перетерпеть все это, если бы сатано-артяне не пытались вещать от имени всей свободной России, если бы не пытались соблазнить неподвластные им души.

Следующий по значимости участник альманаха — Мамлеев — «пронзительный духовидец», как его рекламируют составители журнала, оголяющий их подспудные страсти. Как он сам о себе свидетельствует, его путь складывался якобы на основе изучения теософии, оккультизма, мистических учений Востока. Но восточные подвижники предупреждают человека, намеревающегося воспользоваться их опытом, о духовных опасностях и соблазнах, встающих на пути адепта. Рискувший покинуть дом предков и вырваться из обыденного духовного состояния, вместо света может свергнуться в тьму, вместо освобождения подпасть под еще большую власть Майи, вместо сатвического состояния духа — погрузиться в тамас. Йоги различают светлый и черный путь. На языке христианской мистики — это путь святого и путь продавшего душу дьяволу.

Как христианские мистики в своих наставлениях, так и восточные, предупреждают идущего об опасности соблазняющих видений. Нужно проходить мимо. Еще одно кардинальное правило: нужно начать с исполнения нравственных духовных принципов. Нельзя считать, что моральные нормы даны лишь человеку толпы. Как и у христиан, восточные наставления утверждают незыблемость принципов: «не убий», «не укради» и т. д. Перепрыгивающий же через этот рубеж оказывается не в мире чистых духовных сущностей, а в антидуховной тьме, не в окружении светлых ангелов, а среди черных, в объятиях Люцифера.

Мамлеева это предупреждение не коснулось. И он не один среди «аполлоновцев». Шемякин был близок в Петербурге к художнику Л. Тот о себе: «Я черт, но я должен совершенствоваться и стать дьяволом». «Гений — это кто? .. Обычный человек как? Ты ему добро — он тебе добро, ты ему зло — он тебе зло. А гений — ты ему зло — он тебе зло, ты ему добро — он тебе зло». «Можно не питаться, а жить энергией других. Для этого их надо выводить из себя, доводить до безумия. Тогда они выбрасывают наружу свой дух, а ты им питаешься». «В искусстве главный принцип: не важно что, лишь бы здорово!».

Мамлеев считает, что знакомство с сочинениями Бёме гарантирует от стукачества. Увы, иуды не только Бёме могут читать и

оставаться предателями, но даже самого Христа созерцать и слушать. Да и сам Мамлеев утверждает несколькими строками ниже, что советская элита заражена чтением оккультизма, знакома с «Четвертым путем». Почему ей не быть знакомой, если в стенах эзотерических советских учреждений этот «Путь» и реализуется? Чтобы властвовать над духом нации, одними схоластическими формулами диалектического материализма не обойдешься. Уже сообразилось о приглашении разного рода темных мистиков в Советский Союз. Тем, кто побывал в «святой святых» — прошел через руки самого эзотерического учреждения, тем — этот слух не кажется нереальным. Дьявол переключился сегодня с методов физической расправы на духовное подавление. Общество обязано включиться во всеобщую ложь, признать зло добром. Тех, кто противится — ставят на колени, признают немняемыми. Спаситься из когтей можно лишь подписав договор, в котором свою честность нужно признать за болезнь. Чтобы разрабатывать стратегию и тактику духовного порабощения человека одного эмпирического подхода современным советским властителям недостаточно. Вот и обращаются за подспорьем — ищут в истории своих предшественников. А тем временем ложь, пустившая корни в душе человека, стоящего на коленях перед богоборочной властью, порождает своих «поэтов»: это они вполне серьезно обсуждают историческую необходимость Иуды Искариота. Это они воспевают предательство, это они топят своих друзей. Так о каком противостоянии официальной культуре и идеологии они могут лепетать, если все их творчество порождено и вскормлено режимом и выдает его сокровенную тайну — тайну поклонения сатане? В унисон со средневековыми и с сегодняшними поклонниками дьявола Мамлеев вещает: «Истинный Христос, Истинный Бог — чудовищен, чудовищнее дьявола, который более близок людям». И тут же проливает слезы, что «опошлили черта».

Выводя Мамлеева на сцену, «Аполлонь — 77» ставит знак равенства между Яковом Бёме, Кришнамурти и... Мамлеевым. В этом столько же логики, сколько в отождествлении святого и убийцы. Бёме пишет о Боге, о Божественном творении, о победе Бога над дьяволом. Кришнамурти учит о духовном покое, отрешенности. Его светочные зарисовки состояний природы и человека — антитеза мамлеевскому дешевому и пошлому погружению в беспросветный мрак ада. Не следует похабить слово мистика, путая его с мистификацией. А уж ежели кому-то хочется расширить его применение, то следует в таком случае различать мистику спасительную, освобождающую,

приводящую к благодати, и мистику порабощающую, ввергающую в дикие страсти, влекущую к преступлению. И светлая мистика научит человека, что за мамлеевскими «срисовками с миров, именуемых Царством Духов» ничего не скрывается. Достаточно ясного рассудка, чтобы маскарад патологических сновидений рассеялся, оставив лишь мокрое место. Ничего, кроме пустоты, бессодержательности огородного пугала за этими опусами не скрывается.

Откуда взялась эта чернуха? Неужели из недр русского народа? Которому пристало напиваться до белой горячки, объясняться на языке мата, испытывая при этом «аморальный пафос», как утверждают «исконно-русские» болтуны на страницах «А-77»? Может, действительно, гонения на христианскую церковь вернули Русь к языческим временам? Может, Солженицын и Сахаров — выродки, нерусские, которых отторгает народ? Но отчего же в сегодняшней России — духовно-религиозное возрождение? Кто дочитывает до дыр литературу Самиздата и Тамиздата? Почему сочинения классиков русской культуры можно купить втридорога лишь на «черном» рынке? И нам не нужно дожидаться следующих выпусков альманаха, чтобы ответить на все эти вопросы. «Ответ» же самих «аполлоновцев» не сложно прочитать уже в первом выпуске. Сатаноартяне претендуют на открытие: русская свинья пахнет иначе, чем свинья французская. И если до выхода в свет «А-77» тот писатель или художник становился выразителем национальной культуры, творчество которого реализовало потенциально присущую данному народу национальную идею, то отныне мы стали свидетелями кардинального поворота: тот выразитель духа национального, у кого нюх на вонь тоньше. Мамлееву, как и другим истым сатаноартистам, истоки свои следует искать среди средневековых поклонников Сатаны, с их черными мессами, на которых алтарем служит тело раздетой блудницы, крест переворачивается, вместо ладана — навоз, вместо целования изображения Христа — плевки, вместо «не убий» читают «убий» и т. д. И следует включить в следующий выпуск «Аполлона» современные западные уродства, вроде осуществленных Менсоном, когда втыкали ножи в живот беременной женщине и при этом испытывали «аморальный пафос». Искусство — в реальность! Но этот пробел уже торопится заполнить Лимонов. В своих «поэтических грезах» под его предводительством Менсон и Прусаков сжигают редакции газет, промят Нью-Йорк, помогают «главнокомандующему Лимонову», проливающим слезы, отрубить голову неверной аполлонынке.

Апологеты Мамлеева производят своего «учителя» в пророка новых «глубин секса», обвиняя заранее читателя в «неспособности видеть в сексе большее чем размножение». Куда там быдлу до этих эстетов... Разве может заметить толпа как «холодный эротизм Люцифера касается глубины страдающего Божества»? Человек видит другое. Он видит не скотоложество, присутствующее чуть ли не в каждом рисунке Шемякина. Он надеется услышать о любви, дарованной Богом, он верует в святое таинство плоти и в святое таинство рождения. Мамлеев же и иже с ним видят лишь похоть, извращение и «сладострастие, пришедшее из вечной тьмы».

«А-77» не обладает стилистическим единством. Под одной обложкой расположились произведения приверженцев черной магии и такие материалы как статья В. Иванова «Метафизический синтетизм», начинающаяся словами: «Бог есть основание Красоты» и заканчивающаяся: «Высшая цель искусства в теургическом создании иконы». Если бы это был каталог, то разностилье было бы объяснимо. Но бросается в глаза усилие составителей подать читателю не конгломератный «сборник», а редакторское произведение, обладающее органическим единством. И потому не сложно понять смысл появления доброй половины материалов «А-77». Без подлинного творчества этот альманах предстал бы в таком обнаженно-мрачном виде, что ни одна живая душа не заглянула бы в него. Но одни авторы уже бессильны протестовать, поскольку почили, другие оттого, что у них на горле рука советской цензуры. Увы, не впервые беззащитно используется беззащитность авторов, проживающих в России, спекулируют на их естественном желании выйти из тьмы советского небытия.

Тот, кто не потерял литературное чутье, тот сумеет выделить из «атмосферы смердящего духа» подлинных художников, произведения которых помещены в альманахе как нелегальный товар. И как ни пытается объединить «А-77» весь материал иллюстрациями Шемякина, которые как паучьи лапы отравляют всех, кого они коснутся, как ни тщится В. Петров проделать то же вступительными статьями — все усилия напрасны. Довольно значительная часть материала «А-77» не укладывается в их ложе. И оценивать эти тексты и их авторов нужно вне «смердящего духа», вне контекста «А-77».

Попытаемся дать примерную шкалу, на которой расположим участников «сборника» по степени приближения к духу сатаноарта: Мамлеев, Шемякин, Кузьминский, В. Петров, А. Синявский (наконец нашел своих), Марамзин, Гаврильчик, Лимонов,

Глезер, Янкилевский, Н. Воронель, Кабаков, Кандауров, Сапгир, В. Лен, Бахчанян, Р. Манделштам, Арефьев... Теперь — авторы, чуждые «смердящему духу»: В. Иванов, Е. Шифферс, Харитонов, А. Алексеев, Е. Ротенберг, Леонов, Ремизов, Свешников, Калинин, Тышлер, Кривулин, Охалкин, Космачев, Шварцман, Пагануцци, Нежданов, В. Андреева, Тюльпанов, Зеленин, Васман, Соханевич, Волоховский, Самогит... Конечно, место в ряду не выражает степени силы и таланта.

Третьим по количеству отпущенных на него страниц идет Владимир Петров. Ему выпала честь сделать основную рекламу сборнику. Хотя «А-77» и открывается тостом некоего свадебного генерала, но главному редактору этого показалось недостаточно. Вперед выступает Петров и выполняет свою службу настолько старательно, что если у читателя и появляется желание отметить какое-то место восклицательным знаком — увы, их запас весь исчерпан. Но не будем вменять Петрову в вину его не знающее меры усердие. Ведь в советской России искусство рекламы отсутствует полностью. Предвидя реакцию покупателей и читателей, Петров использует прием, подсказанный ему Андерсеном в назидательной истории о платье короля. Там «портные», так же как и «литературовед» Петров, расхваливают несуществующую ткань несуществующего платья и объявляют дураком всякого, кто не замечает красоты невиданного наряда.

Основные статьи Петрова — вступительная и о Мамлееве. Эпиграфом к первой служит каламбур, обыгрывающий слова: бытие — битиё. Всем, хоть немного знакомым с марксистским катехизисом, известна формула: «Бытие определяет сознание». В эпиграфе утверждается, а затем на страницах альманаха повторяется, перекроенный тезис: «Нас взрастило битиё». Т. е. они считают подлинным русским человеком взращенного советами уродца, а подлинной русской культурой — бред графомана, пропущенного сквозь сеанс галоперидола. Но мы надеемся, что потомки увидят в сегодняшней неофициальной культуре, развивающейся в России, сохранение лучших традиций докоммунистической культуры России, поразят незамутненному образу Божию, в сегодняшнем русском человеке, несмотря на все ужасы советского ада.

Как и все аполлоновцы, Петров излишней скромностью не страдает. Поэтому не удивляет громогласное утверждение, что «Аполлонь-77» открывает миру скрытое доселе неофициальное искусство послевоенного времени. К счастью, довольно значительная часть подлинного неофициального искусства известна. Надо только потру-

диться заглянуть в библиотеки и полистать каталоги издательств им. Чехова, ИМКА-пресс, журналы «Грани», «Мосты», «Новый журнал», «Континент» и др. На какие же традиции опираются истые аполлоновцы, Петров не скрывает. Не на Пушкина, а на старательно собранные из его личной переписки нецензурные слова, не на Ремизова с его коренным национальным русским колоритом, а на его гротескные афоризмы о сквернословии, не на Кузмина, а на то, что им понятно из его творчества. Не на Филонова, а на его плоско истолкованное неприятие духовного в искусстве. Они творца могут оценивать лишь сунув свой нос ему в зад, понять культуру лишь копаясь в ее отбросах.

Если мы «на пороге времени Апокалипсиса», как утверждает Петров, то, конечно, не «аморальный пафос» «А-77» спасет нас. В кривляньях и ужитках этого «сборника» слышна поступь Антихриста. Это его тактика — сначала взорвать незбылемые моральные и нравственные принципы, а затем установить свою систему тотального «счастья». Объективно «А-77» служит для коммунизма первичным тараном, которым стараются пробить западную стену. Затем таран должен быть отброшен, и рационализированный сатана захватит власть.

Свою чертовщину, чернуху «Аполлонь-77» устами Петрова пытается прикритить авторитетом Достоевского, Гойи, Босха, Бердяева. Но как раз «Сатаноартистов» изображает Гойа в своих рисунках в виде нечисти, пытающейся поработить человека, когда его разум впадает в сон. Предвидя заражение мира подобным шабашом, предрекал наступление апокалиптических времен Достоевский. И не мнение о деградации русского народа склонило Бердяева назвать его «народом конца». Бердяев считал сущностью русской души нежелание разминуться на хаос поверхностной светской культуры, но каждое дело, каждую строку оценивать в ракурсе общего смысла бытия. И с этой позиции «А-77» — явление антинациональное, антирусское. Без роду, без племени вырождок антидуховной советчины.

Вступительная статья Петрова после всех замахиваний на глобальные проблемы заканчивается сплетнями, сведением счетов. Без этого они не могут. Кто-то у кого-то картину забрал. Тот в свою очередь кого-то обокрал и т. п.

В статье о Мамлееве Петров выступает как эксперт по оккультизму. Он нагромождает термины: эзотеризм, теософия, магия, оккультизм, мистика. Учение живой этики, Четвертый путь. Но не раскрывает той элементарной правды, что за всеми этими понятиями у него скрывается лишь пустота и чушь. Мамлеев «очень эзотеричен созна-

тельно прокламирует свою миссию по внесению в русское сознание интегрального теософического эзотеризма» (стр. 199). Получилось: «Эзотеричен при внесении эзотеризма»? А как понять набор слов: «Очень эзотеричен сознательно прокламирует...»? С какими предложениями и окончаниями прийти на помощь Петрову? И что за «интегральный теософический эзотеризм»? Кто его изобрел? Мамлеев, Петров? И есть ли дифференциальный? До сих пор мы слышали, что существуют понятия: «эзотерическое знание, учение», т. е. тайное, для посвященных. Слышали, что вся теософия в целом эзотерична. Но вот об эзотеризме,

как об особом учении, науке и пр. не слышали. Петров приоткрывая завесу над «эзотерическим эзотеризмом» сей тайны не раскрывает.

Если бы те, кто задает тон в «Аполлоне» не пытались прыгнуть выше своей головы, если бы не пытались заставить человечество уверовать в них как ни больше ни меньше в новых Мессий и пророков — было бы не так скандально. Их попытка уверить читателя, что им отпущено свыше шестовать в первых рядах развивающегося модерна, на поверку оказывается ветхой наглостью сатира Марсия, наказанного уже единожды.

И. А. ИЛЬИН

Потерянный день*)

Мы помещаем этот прелестный этюд И. А. Ильина, потому что он так актуален и сейчас в нашей нелегкой жизни и борьбе.

Редакция

Вчера у меня был потерянный день. Это случилось как-то само собой; но вечером я почувствовал всем своим существом, что день этот для меня погиб.

Как только я проснулся, мною овладели заботы: выдвинулись всевозможные жизненные затруднения, осложнения и прямые опасности, целое змеиное гнездо. Напрасно я пытался отделаться от него презрением или юмором; напрасно корил себя за робость и пессимизм; напрасно искал спокойствия в молитве. Как будто давящий туман надвинулся на мою душу; узлы не распутывались, надежды гасли. Воображение рисовало надвигающиеся беды и унижения: когда жизнью овладевают черствые фанатики, духовные идиоты, то надо готовиться ко всему. Горечь и отвращение овладели мною. Сердце судорожно сжалось и ожесточилось. Надо было бороться. И так начался этот погибший день.

Нужно было собрать все силы и проламывать стены — одну за другой. Надо было найти спокойствие в самой тревоге, сосредоточиться, все взвесить, выработать план и с достоинством встретить опасность. Надо было перейти в наступление, идти от человека к человеку, будить друзей, уговаривать жестоковыйных, заклинять врагов. Надо было доказывать бесспорное, дробить камни, плавить железо... Есть же на свете счастливые люди, которые и не подозрева-

ют, во что превращается жизнь под управлением бессердечных доктринеров, какую ложь, какую мертвость, какое опустошение и какую грязь они несут людям и что приходится переживать из-за них...

Вечером, когда я вернулся домой и все узлы оказались каким-то чудом распутанными, — я чувствовал себя смертельно усталым. Все удалось, успех превышал всякие надежды; но день был потерян.

Он был потерян, потому что сердце мое пребывало в судорожном ожесточении; а оно ожесточилось оттого, что я видел вокруг себя ожесточенный мир и не заметил, как он меня заразил и отравил. Когда сердце ожесточается, то оно уже неспособно к любви: оно не поет и не светится; оскорбленное и онемевшее, оно погружается в темное молчание; в нем нет ни ласки, ни улыбки; и к молитве оно уже неспособно. Оно каменеет. А когда сердце окаменело, то человек не может быть оружием Божиим; и день оказывается погибшим.

Это был погибший день, потому что я думал только о себе и хлопотал только за себя. Надо же было спасаться как-нибудь из этого жизненного тупика... И все-таки... О, этот страх за свою шкуру, как будто она так необходима и драгоценна. Жизнь становится вращением вокруг себя самого, как если бы ни на земле, ни на небе не было ничего лучшего, высшего... Человек слепнет и глохнет для всего остального страдающего мира; и живая ткань Божия, ради которой только и стóит жить не земле, как бы перестает существовать для него. И день проносится в душе, мертвый и пошлый; и уходит в прошедшее, как нерасцветший цветок.

*) И. А. Ильин. «Поющее сердце». Книга тихих созерцаний. Мюнхен, 1958. Прим. ред.

Этот день пропал для меня, потому что я боролся с людьми, я старался подчинить себе их волю, использовать их как свое орудие, и не было во мне живой любви к ним, — ни к одному. Я подходил к ним осторожно и ловко, я уговаривал и доказывал, я внушал им необходимое; но сам я оставался сухим и деловитым и только пристально и зорко рассматривал их, как каменщик рассматривает неуклюжие кирпичи. Мало того. Они все время были противны мне, эти жестокие, самодовольные выскочки; и отвращение царило в моей встревоженной душе. И отвращение это надо было скрывать; и лицемерить и лгать, ненавидя... Куда мне девать теперь это бремя? Как мне смягчить и разбудить мое сердце? Проснется ли оно опять к любви?.. Уходи же, уходи, пропащий день, чтобы можно было забыть тебя и исцелиться!

Да, день был пропащий, потому что все прекрасное и нежное на свете не существовало для меня. Птички не пели мне. Цветы не радовали мою душу и не благоухали мне. Я не видел ни одной детской улыбки. Я

совсем не мечтал о красоте. Холодный ветер проносился надо мною, как над уличным фонарем. Я даже не помню, было ли вчера солнце на небе. И самое внутреннее пение мое, вечно поющее во мне о далях и глубинах, смолкло, и ручей его иссяк. Мир как нежная тайна, мир как живой гимн, мир как чудо Божие — не существовал для меня. Нет, это была не жизнь; я не жил в этот день...

Он погиб для меня, потому что я не нашел ни одной нити, ведущей к Царству Божьему, и взор мой ни разу не коснулся его дивной, сияющей ткани. В такие дни жизнь лишается смысла и святости, как бы ни везло человеку и как бы удачны ни были его земные дела. Ибо человек строит свою жизнь не делами, а деяниями; он дышит сверхчеловеческими веяниями; он живет близкими лучами, приходящими из священной дали; он живет дыханием Божиим...

Прощай же, пропащий день. Угасай в забвении. Один единственный дар останется мне от тебя: что я увидел твою пустоту и понял, что потерял тебя в жизни.

К. КРОМИАДИ

Памяти Владимира Михайловича Деспотули

20 августа с. г. в маленьком прелестном Рейнском городке Западной Германии скончался бывший адъютант генерала Н. Н. Баратова, поручик Владимир Михайлович Деспотули.

Получив это печальное сообщение, я невольно вспомнил нашу первую встречу и знакомство в далекой Персии. Шел май судьбоносного 1917 года. Встретились и познакомились мы в Хамадане, в комендантуре. Нам обоим нужно было выехать в Керманшах, и мы ждали транспорт, а его не было. Новые революционные порядки основательно нарушили налаженную до того систему работы в воинских частях. Хотя ожидавших транспорт в Керманшах было много, но мы с В. М. как-то сразу подружились. На меня Деспотули произвел с самого начала хорошее впечатление: небольшого роста, с черными выразительными глазами, быстро соображавший и к тому же с большим юмором. Обращал на себя внимание и его белый университетский значек.

Через два дня из штаба корпуса пришло распоряжение вернуть поручика Деспотули в штаб корпуса, тут же в Хамадане. Мы расстались; он вернулся в штаб корпуса, а я последовал дальше, в наш Первый пеший пограничный полк, а оттуда в партизан-

ский отряд полковника (потом произведенного в генералы), Лазаря Федоровича Бичерахова.

Прошел год. Наш партизанский отряд, совершивший Месопотамский поход, возвращался домой. Корпус наш давно покинул Персию и ушел в Россию. Ленин уже сделал свое каиново дело, фронты русской армии перестали существовать. От всего корпуса в штабе остались сам командующий, два его адъютанта, поручики Селим Георгиевич Альхави и Владимир Михайлович Деспотули, и два переводчика — Анибал и Марков. А от всего конвоя осталось шесть человек казаков под командой есала Гецунаева.

Прибыв в Хамадан, я кинулся искать своего приятеля, но Деспотули в штабе не оказалось, он был назначен генералом комендантом города Тегерана. Оказывается, и из Тегерана все наши части ушли домой, а Баратову нельзя было прервать связи с шахом, его правительством и с представителями союзников, тем более, что после того, как власть в России захватили коммунисты, Баратову было нечем расплатиться с поставщиками корпуса провианта и фуража. Баратов был в отчаянии.

Но генерал не ошибся в выборе Деспотули. Этот молодой, образованный и энер-

гичный поручик сумел держать знамя уже не существующей России в таком тяжелом положении на должной высоте и отстаивать достоинство и правовое положение своего генерала и перед персами и перед союзниками. Генерал полюбил своего адъютанта как сына. Окончательно положение спас полковник Бичерахов, прибыв в Персию со своими партизанами. Он заключил договор с англичанами продолжать и дальше борьбу против немцев и турок, но с условием, что они оплатят долги корпуса. Последняя страница истории Экспедиционного корпуса генерала Баратова на этом закончилась и, попросившись со всеми оставшимися верными России и ему своими подчиненными, генерал выехал через Индию в Лондон, куда его пригласило английское командование. Деспотули некоторое время оставался в Тегеране, а Бичерахов со своим отрядом выступил на фронт против турок, наступавших на Баку и Дагестан. Когда же открылось железнодорожное сообщение Баку—Тифлис—Батум, Деспотули поехал к себе домой, в Керчь, но оставался там недолго. Генерал Баратов приехал из Лондона в Батум к своей семье и, вызвав к себе Альхави и Деспотули, поехал с ними в Добровольческую армию к генералу Деникину. В это время между генералом Деникиным и грузинским правительством возникли серьезные трения, и Деникин назначил Баратова своим полномочным представителем при грузинском правительстве урегулировать взаимоотношения.

Генерал Баратов со своими адъютантами вернулся в Батум, но там тогда царила полная анархия, спекуляция и безнаказанные убийства. (Перед этим на улице двумя неизвестными выстрелами в спину был убит генерал Ляхов, командовавший войсками трапезундского фронта — он и взял Трапезунд, — а в парке грузинский националист несколькими выстрелами в спину убил представителя генерала Деникина — генерала Натиева, тоже грузина). В связи с таким положением Баратов оставил Деспотули при семье, а сам с Альхави выехал в Тифлис.

Переговоры его с грузинским правительством пошли удачно, что не понравилось коммунистам, и один грузин на Берийском спуске бросил бомбу в автомобиль генерала и, убив Альхави, тяжело ранил генерала в ногу. После этого Деспотули безвыездно оставался с семьей генерала, став одним из ее членов. Так продолжалось до конца гражданской войны и эвакуации в Константинополь. Оттуда генерал с семьей выехал в Париж, а Деспотули в Прагу и потом в Берлин.

Берлин того времени представлял собой исключительное явление: побежденные

немцы по настоящему голодали, а город был переполнен тоже голодными обтрепанными и нищими русскими беженцами. В центральных частях города русская речь была слышна чаще, чем немецкая. Среди эмигрантов было много профессоров, политических деятелей, писателей и журналистов. Среди них вращался и Деспотули. В 1923 году на Прагерплатц открылся клуб писателей и журналистов, и заведующим клубом был выбран Деспотули. Там собирались сливки нашего общества, происходили собрания, но время шло, и наша элита постепенно разъехалась. Закрылся и клуб. Деспотули стал, как и мы все, подрабатывать случайной работой.

В конце двадцатых годов Веймарская республика трещала по всем швам; ее раздирали полное экономическое банкротство и коммунистическое наступление с Востока. В Берлине закрылись русские газеты «Руль» и «Дни». Но Деспотули вдруг, не располагая никакими средствами, решил издать свою газету, назвав ее «Новое Слово». Писал он весь текст на машинке сам, где-то размножая его на ротаторе, и разносил знакомым. Со временем взял себе в помощники молодую девушку и стал рассылать номера по почте. Так дело шло до прихода к власти Гитлера. После его прихода к власти, В. М. был вызван в учреждение, ведущее прессой, и ему было предложено составить план и смету издания русской газеты, которую власти будут поддерживать. В то время казалось, что принять эту помощь во имя борьбы против большевизма можно. Так появилась на свет газета, печатавшаяся уже типографским способом, «Новое Слово».

Первого сентября 1939 года Гитлер напал на Польшу. Русская эмиграция встрепенулась и стала проверять свои ряды. Результат оказался плачевным. Время взяло свое — кадры ее сильно поредели и постарели. Единственно работоспособной политической организацией являлся Национально-Трудовой Союз нового поколения. Его ряды состояли исключительно из молодежи, и молодежи идейной, и Владимир Михайлович решил сделать на него ставку. Когда началась война против Советского Союза, и Гитлер наотрез отказался сотрудничать с русской эмиграцией, Деспотули, пользуясь своим положением, устроил многим членам НТС выезд на Восток для политической работы в тылу (в то время аналогичную роль сыграл представитель русской эмиграции в Париже Юрий Сергеевич Жеребков, но он имел дело почти исключительно с членами РОБС). Отправляемая на Восток молодежь поступала на разные второстепенные должности и параллельно

распространяла идею русской освободительной борьбы.

Так шло время до 1943 года, когда органы немецкой контрразведки заподозрили НТС в связи с английской Интеллидженс Сервис и арестовали не только всю верхушку организации, но и рядовых членов. Поскольку Деспотули и в редакции окружил себя членами этой организации, добрались и до него. Его отстранили от газеты, держали под домашним арестом и производили следствие. Допросы проводились по «передовым методам наших чекистов» и сопровождались не только рукоприкладством, но и приставляли дуло револьвера к виску и в рот допрашиваемого (я это пишу со слов самого Деспотули). Тогда у него была большая депрессия, и он нуждался в моральной поддержке — тем более, что у него открылся туберкулез легких. Мы, его друзья, ничем помочь ему не могли, но один влиятельный немец выхлопотал ему поездку в санаторию в Кемптен (видимо, следствие по его делу кончилось). К тому же началось уже окружение Берлина Красной армией, и нацистам было не до Деспотули. Воспользовавшись ослаблением режима, он на велосипеде поехал в Берлин, чтобы вывезти оттуда свою жену. К ней он добрался, но выехать они уже не успели, и Деспотули попал в руки советчиков; одиннадцать лет просидел в советских концлагерях, причем семь лет провел в Заполярье.

Выпустили его вместе с немецкими пленными, и он вернулся домой под Новый год ровно к 12-ти часам ночи — и как раз в тот момент, когда его жена, просидевшая столько же лет в тюрьме в Восточной Германии (женщина, которая никакой политической не занималась) — вошла в дом и позвонила в свою квартиру. После одиннадцати лет тюрьмы и каторги, после всего тяжелого, что им пришлось пережить, Владимир Михайлович и его супруга Эльфрида Эмильевна встретились как молодые и благодарили Бога за **каждый подаренный** им светлый и радостный день. Эльфрида Эмильевна, по специальности физик, получила довольно высокий пост в системе образования и воспитания берлинской молодежи, а Владимир Михайлович занялся преподаванием русского языка. Так продолжалась их жизнь в Берлине, пока Э. Э. не вышла на пенсию. Тогда они покинули Берлин и переселились в Рейнскую область, где Владимир Михайлович Деспотули и скончался. Царствие ему Небесное!

Теперь, прощаясь с дорогим моему сердцу Владимиром Михайловичем, благоговейно склоняю колени перед его прахом в знак признательности за нашу шестидесятилетнюю безоблачную дружбу, а Эльфриду Эмильевну прошу принять мое сердечное соболезнование.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

Обзор зарубежной печати

Аполлон сердится... Не дельфийский бог, а Аполлон в кавычках. Феб-то, может быть, при виде самозванцев и вскричал гневно — словами Пушкина — «Эй, розгу!» Но ему недосуг; за него употчевала «Аполлон 77» спасительную лозою эмигрантская пресса: «Новый Журнал», «Новое Русское Слово», даже «Русская Мысль». Эта последняя газета сообщает: разозленные аполлоновцы адресовали Г. П. Струве и С. Рафальскому личные послания с грубой бранью. Выражаем сочувствие коллегам, пострадавшим при выполнении долга литературных критиков: не их вина, если они натолкнулись на дикарей, коим чужды этические и бытовые нормы российской интеллигенции.

В остальном «Русская Мысль» вовсе стала на платформу еврокоммунизма, нам (думаем — белой эмиграции вообще) неприемлемую; тут споры бесполезны. От похвал Берлингуэру она перешла к дифи-

рамбам Карильо (хотя испанская компартия в гражданскую войну отличалась страшнейшими зверствами!)

Не присоединяемся и к ее гимну Набокову. Его талант, достигший апогея в неприятном, но сильном рассказе «Приглашение на казнь», мастерски создающем атмосферу гнетущего кошмара, пошел на убыль, когда он стал писать по-английски, потрафлял и в выборе и в трактовке сюжетов самым низким вкусом Запада. Собственно, кроме «Лолиты», его романы успеха не имели.

Бывают все же в «Русской Мысли» ценные материалы; например, превосходный разбор Г. Эйкаловичем книги А. Краснова-Левитина, констатирующий нелепость термина и понятия «христианский социализм», или письмо в редакцию А. Николаева с обстоятельным и убийственным анализом все того же «Аполлона 77».

В «Новом Журнале» языковые промахи

огорчают: кому много дано, с того много и спросится. В воспоминаниях С. Танеева (№ 127) имя Великой Княгини Милицы Николаевны изображено как Мелица, а в родительном падеже — Мелици (sic!) В одной рецензии, там же, английская фамилия Муди дана как Мууди; так у нас транскрибируют только эстонские и финские имена. Незачем и писать по-русски Сейнт Луис вместо обычных форм типа Сент Клэр, Сент Джон. Данный же город, основанный французами и названный в честь короля Франции, как и Луизиана, где он находится, правильнее всего именовать Сен Луи. Вспомним, как безукоризненно передавал по-русски иностранные названия М. А. Алданов, один из основателей «Нового Журнала»!

Алданову посвящены (в № 126) воспоминания А. Бахраха, ценные по фактам. Но их портит проскальзывающий в них снизводително насмешливый тон. Рядовому литератору не надо бы так судить о большом писателе, уже покойном. Да и над чем иронизировать: предельная учтивость всегда, и особенно с иностранцами, тщательная забота о соблюдении литературной этики — разве это плохо? — Удивляет опубликование (в № 127) сочувственного отзыва В. Сечкарева о возмутительной книге С. Карлинского «Сексуальный лабиринт Гоголя». Карлинскому везде чудится гомосексуализм; это, право, скучно. Оставляя в стороне второстепенное, приветствуем трезвые и мужественные позиции журнала в политике: его решительное осуждение еврокоммунизма, сжато и убедительно сформулированное в статье В. Пирожковой «Диссиденты и коммунизм», а отчасти и в статье Е. Валина «В какой мере „русский коммунизм“ не русский» (обе в № 127).

Украшением № 103 «Граней» служит обстоятельное литературоведческое исследование В. Краснова «Многоголосость героев в романе Солженицына «В круге первом»; в нем, впрочем, много и спорного. То же самое еще больше относится к статье В. Бетаки — одного из лучших поэтов среди «новейших», — «Три спора», с разбором творчества И. Елагина. Надо ли сравнивать безусловно талантливого Елагина с А. Вознесенским, чья одаренность весьма сомнительна? И верно ли, что в эмиграции — два больших поэта И. Елагин и Н. Моршен (отметим мимоходом: оба — из второй эмиграции)? Не в укор Моршену, есть целый ряд поэтов сильнее его...

Номер 12 «Континента» подтверждает право журнала на подзаголовок «Несбывшиеся надежды» (по слухам он и продается все хуже...) Номер спасает чудная повесть Л. Ржевского «Клим и Панночка»,

напечатанная почему-то... петитом. Впрочем, первоначальная установка «Континента» была ведь вообще: эмигрантов из второй эмиграции не пущать (изменники родины!). Но зачем Ржевский перекочевал сюда из «Нового Журнала»? Сладше ли быть водоносом в стране киммирейцев, чем царем в Элладе? — Прочее и читать не стоит: кому не надоели А. Гладилин, В. Некрасов и скверные переводы с польского слабых и в оригинале вещей?

В № 607 «Часового» привлекает внимание подробная биография Скобелева, за подписью Д. К. К., помогающая читателю понять карьеру и отчасти характер легендарного Белого Генерала. Заслуживает размышления статья Д. Панина «О центре координации сил освобождения от режима СССР», откуда выпишем умный, верный совет новейшей эмиграции: «Диссидентам следует прекратить заигрывание с марксистскими партиями и группировками. Восхваление марксизма пострадавшими от режима диссидентами — нож в спину поработенным коммунистами народам». — Хорошо составлен отдел «Короткие новости»; из них многие актуальны и существенны. Приятно отметить, что журнал (кроме мелких просчетов) издается на правильном русском языке, что, увы, становится редкостью!

Затронув вопрос о диссидентах, приведем из «Нового Русского Слова» от 22 июля выдержки из замечательной статьи Н. Первушина «Госиздат, самиздат и тутиздат», где говорится о прибывших за границу писателях из СССР, что «абсурдистов и порнографов открывают здесь на Западе как новое слово русской литературы», тогда как их произведения на деле являются «абсолютно чуждыми русской читательской публике» и что: «Это вызывает чувство возмущения приехавших „оттуда“ не потому, что такая литература неизвестна в России, а потому, что она ей не нужна». Ибо: «Литература как игра или еще хуже, литература для щекотания низменных инстинктов и плохого вкуса, неприемлема для русских людей в прошлом и в настоящем». За последнее время эта без спору лучшая по качеству русская газета Зарубежья щедро предоставляет место украинским самостийникам, использующим ее как форум для поношения России. Нужно ли это? У них есть своя печать. А читатели «Нового Русского Слова», принадлежащие к самым разным народам России, — в основном стоят за ее единство; и им подобная пропаганда отвратительна.

Чувствуешь живую признательность к «Вестнику РХД». Не приведи Господи, грядущие исследователи станут судить русских парижан нашего времени по «Русской

Мысли! Удачно, что рядом с нею существует подлинно культурный журнал, в котором работает настоящая интеллигенция, старая и молодая по возрасту, зарубежная и подсоветская. Немудрено, что каждый его номер важен и значителен. Гвоздем последнего, 121-го является статья «Разделение» Ф. Светлова (не будем пытаться разгадать, кто стоит за этим именем, по принципу ех ungue leonem!); она представляет собою истинный каскад ослепительно блестящих мыслей: «алмазна сыплется гора»... По форме, это — комментарии на солженицынского «Теленка» и анализ реакции на него друзей и врагов. После такой отповеди мало что остается от гонителей Солженицына, как например, ничтожный и презренный Лакшин... Мимоходом получает тяжеловесную и заслуженную затрещину и пресловутый Абрам Терц за издевательство над Гоголем.

В редакционной заметке Н. Струве резонно отклонил требования некоторых читателей свести «Вестник» к чисто религиозной тематике: есть политика, которой христианину не подобает заниматься, и есть и такая, в которой он должен участвовать.

Исключительно интересна дискуссия на тему «Христианство и иудаизм», где на одинаково высоком уровне представлены полярно различные точки зрения.

Рецензия Москвитянина на книгу Ю. Иваска о Леонтьеве незаслуженно хвалебна. Конечно, хорошо, что хоть какая-то книга о Леонтьеве издана; но данная книга — совсем не то, что нужно. Руководствуясь своими личными вкусами и предпочтениями, автор ее превращает глубокого политического и религиозного мыслителя, пламенного борца и одаренного писателя в «женственного андрогина», в «Нарцисса»... не брезгуя даже столь шаткими доводами, как его увлечение в юности романами Жорж Занд (которыми восхищался, скажем, и Достоевский). Вообще, с научной точки зрения, Иваск все время прибегает к недопустимым методам: биографию Леонтьева строит на основе его литературных произведений, а потом на основе сих построенный истолковывает его произведения; создается именно не за колдованный а, как выражаются на Западе, порочный круг.

Номер 33—34 канадского «Современника» поражает богатством материала, разнообразного и разноценного. К высшему сорту отнесем начало превосходного романа Л. Фабрициуса «Возврат» (прочитав, с нетерпением ждешь дальнейшего!), продолжение великолепного этюда В. Седуро «Солженицын и традиции полифонического романа Достоевского» (перекликающегося со стать-

ей В. Краснова в «Гранях»), миниатюрный (жаль — не длиннее!) очерк Л. Николенко «Француженка в России» (о художнице Виже-Лебрен), полную здравого смысла и пронизательности статью Г. Галина «Милые бранятся» (об отношениях между СССР и Китаем). Нечаянная радость: мы находим в журнале новые стихи высоко талантливой М. Волковой (которых что-то давно нигде не было видно). Коротенькая заметка В. Перелешина содержит вполне дельную критику непрестанных и неудачных новшеств в советской орфографии; но он сам себя дискредитирует, впадая в крайности; вплоть до предложения восстановить в употреблении десятиричное и, дабы различать между двумя значениями слова «мир». Такие-то лекарства хуже самой болезни! Его же статья о переводах «Памятника» Горация грешит субъективностью (напримен, он несправедлив к прекрасному переводу Капниста, едва ли не лучшему из всех).

Статью Г. Румянцевой о поэтессе графине Ростопчиной портит преизобилие советских штампов в языке и даже мышлении; пожелаем ей поскорее отделаться от этих родимых пятен большевизма! В отрывках из книги А. Гидони «Солнце идет с Запада» не все симпатично. Слепо преклоняясь перед Западом и осуждая коммунистическую Россию, он начисто забывает, что коммунизм создала не Россия, а тот же Запад. И вообще, вполне понятное и законное отталкивание от большевизма нередко звучит у него недопустимым отталкиванием от России в целом. Стихи вроде таких:

Канада! Ты отчизна и наш дом!

Каждый твой сын всегда с тобой во всем.

За твой расцвет мы всей душой...

стоящие на нулевом художественном уровне, может быть, продиктованы искренним верноподданническим порывом; но для русских, не имеющих счастья жить в Канаде, звучат фальшиво.

В журнале много полемики: с Г. Свирским из-за книги; с Ю. Терапиано из-за его рецензий. Есть и отклики каких-то конфликтов внутри редакции — с Г. Жекулиным и с соотрудниками, например, с А. Кторовой. Кто виноват, кто прав, — судить не нам.

Кроме одного случая. Ю. Григоров делает мне по поводу моих «Обзоров» в «Голосе Зарубежья» сперва лестные комплименты, а затем — едкие упреки. Поблагодарив от души за первые, сосредоточусь на вторых. Мой почтенный собрат обвиняет меня в «морализировании». Действительно, я не верю ни в аморальное искусство, ни в аморальную политику. На Западе мы сейчас наблюдаем quantum satis то и другое; и результаты плачевны. А нам, русским,

по нашему характеру и нашей истории, аморализм и совсем не подходит. Однако, если уж Ю. Григоров охотник до чисто эстетствующей и вполне внеморальной критики, — он ведь легко отыщет и таковую в некоторых эмигрантских печатных органах.

Далее, он берет под защиту З. А. Шаховскую. Но ведь я, когда о ней писал, то всегда цитировал ее подлинные слова (что Ю. Григоров избегает делать), как и слова ее сотрудника К. Померанцева; так что читатель сам мог судить об их смысле. «Пластический минипортрет» Берлингуэра (как

выражается Ю. Григоров) включая не только воспевание его внешней красоты, но также и заверения о бескорыстной любви «генсека итальянской компартии» к пролетариату; и таковое можно было бы прямо перенести на избирательные плакаты. Так что я не преувеличиваю ничего; не надо и преуменьшать! Жаль, что Ю. Григоров допускает по отношению ко мне выражения вроде «ретивые наскоки» (сам же беря эпитет в кавычки); я бы предпочел с ним дискутировать в более серьезном — и более вежливом — тоне.

РЕЦЕНЗИЯ

Анна Кузнецова-Буданова: «И у меня был край родной», Франкфурт-на-Майне, 1975 г.

Под таким заголовком написала свою книгу покойная Анна Кузнецова-Буданова, книгу, изданную уже после смерти автора. Из предисловия читатель узнает в общих чертах о жизненном пути автора воспоминаний «от первых лет этого столетия до начала войны между Германией и СССР в 1941 г.».

Написаны эти воспоминания живым, задушевным языком русской женщины, вышедшей из рабочей семьи, добившейся своей энергией, волевой целенаправленностью высокого положения женщины-врача-гуманиста в самом глубоком смысле этого слова, чей жертвенный труд был отдан народу — в самом бесчеловечном, антинародном государстве.

Всю книгу можно было бы разделить на две основные части, хотя издателями предложены три части, из которых две последние описывают университетские годы и после жизнь и работу врача-педиатра в советских условиях, начиная с 1923 и по 1941 г. Хотя для рожденных в послеоктябрьский период воспоминания Анны Константиновны являются незаменимым источником познания советской действительности 20-х и 30-х гг., для сверстников ее, живших в те же годы и дышавших так же, как и она, тем же удушливым воздухом советской «свободы», ничего нового воспоминания эти не представляют. Но вот их дооктябрьский период и часть уже октябрьских лет для нас, однолеток, вышедших из рабочей среды, представляют большой, несомненный интерес, и не только, конечно, для нас, но и для пореволюционного поколения с его кудцыми, урезанными знаниями условий жизни того самого «гегемона революции», пролетариата, во славу которого было сложено столько громких и до преде-

ла лживых дифирамбов демагогами-авантюристами, захватившими власть в период несчастного безвластия в уставшей от долгой войны стране в 1917 г. И вот тут, в воспоминаниях автора этого периода, читатель может полностью ознакомиться с условиями жизни, быта, до самых мелочей, того самого рабочего класса, о котором так пеклись самозванные его благодетели, ничего общего не имевшие с этим самым классом, а, по сути, даже ненавидевшие его. Как могли эти благодетели допустить в своих писаниях, чтобы простой рабочий, при «кровавом царе» мог иметь приличный, по тому времени, собственный дом, к тому же еще — о ужас! — на три четверти построенный на средства предприятия, в котором он работал; чтобы семья рабочего имела корову, да еще такую, которая давала молока не только на всю многодетную семью в 14 человек, но и для продажи на сторону. И, самое страшное для благодетелей рабочего класса, — это то, что дети рабочего могли кончать гимназии, поступать в высшие учебные заведения и даже — кошмар! — в военное училище мирного времени, откуда, дав присягу — снова кошмар! — царю и родине, выходить офицерами. Этот последний факт может, как перед Богом, засвидетельствовать пишущий эти строки. «Это же невероятно!» — воскликнет в наши дни какой-нибудь неомарксист типа Плюща. «Невероятно, но это же факт! — брошу ему в лицо я, сидевший в средней школе за одной партией с будущим кадровым офицером императорской армии, отец которого всю жизнь работал в большом машиностроительном комплексе на юге России простым кузнецом. Не будем говорить о рабочих таких центров как Петербург, Москва, где условия жизни были, возможно, более жесткими, чем в провинции, но то, что автор пишет о жизни и быте довоенного времени рабочих такого гиганта как Брян-

ский машиностроительный завод — сущая правда. И характерно, почти парадоксально звучит в книге глава «Захват Бежицы» (Бежица — поселок в 35 тыс. жителей при Брянском заводе), где говорится о том, как «сильно» интересовались рабочие победившей октябрьской революцией. Она к ним в Брянск дошла только... к концу лета 1918 г., т. е. почти через год, и то как? Да так, как поется в комсомольских песнях «... мы брали города...». Здесь не обойтись без большой, да простит читатель, выдержки из книги автора воспоминаний. Вот как описывает Анна Кузнецова-Буданова это поистине историческое событие: «Мы (группа людей, собравшихся ехать по грибы. — В. И.) стояли ранним утром на платформе... ожидая поезда из Брянска, как вдруг начали по Бежице стрелять с разных сторон. В недоумении, что бы это могло значить, мы увидели, как через железнодорожные пути перебежали, сгорбившись и боязливо озираясь, какие-то чужие люди с ружьями в руках. Одна небольшая группа этих людей, державшихся по-воровски, пришла на станцию и осталась там... Вдали были слышны выстрелы. Позже мы узнали, что случайно стали свидетелями захвата Бежицы коммунистами-большевиками. Решение захватить Бежицу (этот чисто рабочий поселок! — В. И.) как вражеское гнездо и установить там свою власть было принято коммунистами-большевиками в Москве и Орле. Они расставили с вечера свои силы вокруг Бежицы... поставили даже пушки, чтобы бить по Бежице... как выяснилось, стреляли коммунисты лишь для острастки, так как никакого сопротивления им оказано не было. К вечеру этого дня вся Бежица была в руках этих захватчиков-большевиков. В совете рабочих депутатов Бежицы коммунистов было очень мало, потому что их наши рабочие не выбирали. По этой причине коммунисты-большевики рассматривали Бежицу как «вражеское гнездо».

Вот так «в победившую пролетарскую революцию» авангард ее победоносно брал пролетарские города, не только такие как Бежица, но и многие другие, а некоторые, как например, на юге России, брали и по несколько раз. И если благодетели рабочего класса не знали этого или не хотели знать, то уж, наверное, знали, как в последние годы их подручные в подвалах ЧК-ГПУ расправлялись с представителями интеллигенции, вышедшей из рабочей среды, преподавателями, бывшими офицерами, священниками и другими. «Как, почему расправлялись, — воскликнет с него-

дованием тот же Плющ, — ведь они все-таки нужны были советской власти как грамотные, образованные люди?». «Да, да расправлялись, — отвечу я, — и не потому, что они не нужны были ей в ее варварском строительстве, а потому, что они являлись живыми свидетелями насквозь лживой пропаганды о нищенском положении рабочего класса при «кровавом царизме». Как же могла лживая безбожная власть допустить существование в народе вот именно этих «невероятных» членов общества, преданно служивших народу, этого не допускает лжеучение благодетелей рабочего класса, их догматы о борьбе классов, о религии как опиуме для народа и пр. И вот почему среди бесчисленных «жителей» большевицкого архипелага концлагерей эти люди, вышедшие из рабоче-крестьянской среды, составляли столь высокий процент, чему свидетелем был, к счастью, и сам нижеподписавшийся, тоже сидевший в концлагере.

Что такая же участь не постигла и дочь рабочего Анну Константиновну Кузнецову объясняется просто: в те страшные тифозные годы повальных эпидемий и голода нужда во врачах была нестерпимо острой, и нуждалось в них не только терроризированное властью население, но и сами власти, особенно же их дети, которых, как врачу-педиатру, доброй Анне Константиновне, пришлось спасать в Харькове.

Так вот в своей глубоко правдивой книге «И у меня был край родной» покойная Анна Константиновна и оставила всем нам, и старым, и новым поколениям, бесценное свидетельство о настоящем, без прикрас и лакировки, положении рабочих в старой России. Если в Зарубежье писалось в прошлом немало исследований о жизни рабочего класса до революции, то все они носили, по большей части, отвлеченный, статистический, академический характер, мало убедительный для стороннего читателя, тогда как книга Анны Кузнецовой-Будановой полна неподдельно живых, а потому и глубоко убеждающих описаний того, что так настойчиво, с таким страхом скрывала и скрывает до сих пор бесчеловечная власть бесчеловечных владык на нашей несчастной родине.

Приближается 60-тилетний трагически-скорбный юбилей безумия, юбилей коммунистической диктатуры и кажется, что слышишь среди голосов живущих и голоса оттуда, из могилы, произносящее скорбное: «ДОКОЛЕ?».

**ОБРАЩЕНИЕ
КОМИТЕТА САХАРОВСКИХ СЛУШАНИЙ
В ДАНИИ К ЭМИГРАНТАМ**

Копенгаген, сентябрь 1977

Уважаемые эмигранты из СССР и стран Восточной Европы!

Газета «Известия» от 20 августа сего года посвятила деятельности сахаровского комитета в Дании большую статью, автор которой заявил во всеуслышание, что «для таких людей, как Буковский, Амальрик и иже с ними нет и не может быть никаких человеческих прав». Мы, граждане Дании, именно за то и боремся, чтобы Декларация прав человека стала достоянием не только негров в США, но и всех граждан нашей планеты. То, что газета «Известия» бесится и обливает нас грязью, может нас только порадовать — это значит, что наша деятельность, наша борьба за права человека попала острием в правонарушителей.

В 1975 году наш комитет провел в Датском Парламенте первое в мире слушание на тему нарушения прав человека в СССР. Год спустя мы провели очередное слушание о Восточной Германии. Мы издаем податски журнал «Даниздат», информирующий общественность скандинавских стран о положении в странах Восточной Европы. Недавно мы издали книгу-документ по-русски о первом сахаровском слушании. В настоящее время мы заняты подготовкой очередного трехдневного международного сахаровского слушания о нарушении прав человека в странах Восточной Европы, включая СССР. Слушание состоится, при условии если Вы нам поможете, в Риме, во дворце Конгрессов, с 25 по 27 ноября 1977 г.

Все вышеназванные мероприятия, включая пресс-конференции, которые мы проводим в Скандинавии с диссидентами из соц-стран, требуют от нас не только затраты энергии и свободного времени (что мы охотно посвящаем борьбе за правое дело), но и средств, которыми мы не располагаем в необходимом количестве.

Мы призываем Вас, граждане свободного мира, внести в кассу нашего комитета стоимость одного часа Вашей работы. Без Вашей помощи у нас не будет возможности провести слушание в Италии.

Вот уже три года мы, граждане Дании, боремся за права Ваших друзей, знакомых и родных, оставшихся на Вашей Родине. Вот уже три года мы будоражим совесть безразличных и сытых людей Запада.

Не останьтесь и Вы безразличными. Помогите нам. Если Вам лично по какой-то причине трудно пойти в банк и перевести

несколько долларов на счет нашего комитета, соберитесь вместе несколько человек или семей и пошлите деньги сообща.

Приобретайте также русское издание книги «Слушание Сахарова» (цена 23 н. м.). Таким образом мы сможем вернуть часть средств, затраченных нами на издание этой книги.

**КОМИТЕТ
САХАРОВСКИХ СЛУШАНИЙ
В ДАНИИ**

Наш адрес:

The International Sakharov Hearing
P.O. Box 1035, DK-1007 Copenhagen
K. DENMARK

Наш банковский счет:

Bank Account no. 164 770
at the Privatbanken,
Raadhus Department, Vesterbrogade 2A,
1620 Copenhagen V.

СООБЩЕНИЕ О СУДЕ

Нашим читателям будет интересно узнать, что назначенное по просьбе адвоката г-на Белоцерковского на 20 июля разбирательство его иска против В. Пирожковой кончилось тем, что суд отклонил иск, объяснив, что в статье В. Пирожковой дело идет о выражении ее мнения. За мнения в свободных странах не судят. Судебные издержки должен платить истец.

Мы от себя отметим еще раз, что г-н Белоцерковский, видимо, забыл, что он не находится больше в Сов. Союзе.

Редакция

Редактирует коллегия:

И. Мусман, В. Пирожкова

Адрес редакции: GOLOS SARUBESCHIA
Bothmerstr. 14, 8 München 19. BR Deutschland

Verantwortlich für den Inhalt:

Redaktionskollegium:

I. Musman, V. Piroshkova

Банковский счет —

Банк: Hypotheken- und Wechselbank
8 München, Konto Nr. 2760094318

Перепечатка разрешается, но с указанием
источника

Druck: „Logos“, Bothmerstr. 14, 8 München 19

